

Осенняя научная сессия КГПУ им. В.П. Астафьева
«Система педагогического образования –
ресурс развития общества»

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЯЗЫКЕ И ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

**Сборник статей по материалам
III Международной
научно-практической конференции**

Красноярск, 28 октября 2022 г.

Электронное издание

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. Астафьева»

Осенняя научная сессия КГПУ им. В.П. Астафьева
«Система педагогического образования –
ресурс развития общества»

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЯЗЫКЕ И ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Сборник статей по материалам III Международной научно-практической конференции

Красноярск, 28 октября 2022 г.

Электронное издание

КРАСНОЯРСК
2022

ББК 81.2
Д 466

Редколлегия:

С.П. Васильева (отв. редактор)

А.Д. Васильев

Т.В. Мамаева

Д 466 **Динамические процессы в языке и языковой картине мира:** сборник статей по материалам III Международной научно-практической конференции, Красноярск, 28 октября 2022 г. [Электронный ресурс] / отв. ред. С.П. Васильева; ред. кол. – Электрон. дан. / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2022. – Систем. требования: РС не ниже класса Pentium I ADM, Intel от 600 MHz, 100 Мб HDD, 128 Мб RAM; Windows, Linux; Adobe Acrobat Reader. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-00102-611-2

ББК 81.2

ISBN 978-5-00102-611-2

(Осенняя научная сессия КГПУ им. В.П. Астафьева
«Система педагогического образования –
ресурс развития общества»)

© Красноярский государственный
педагогический университет
им. В.П. Астафьева, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУСИСТИКИ

А.А. Бариловская

Разнообразные воплощения семантического синкретизма
как особой языковой категории 5

С.П. Васильева

Когнитивные модели оценочных фразеологизмов
(на материале говоров Красноярского края) 9

А.В. Кипчатова, М.В. Шибает

Идеология и символика экстремистской организации «Ауге»
как юрислингвистическая проблема..... 13

А.А. Коняшкин

Динамика разговорного синтаксиса
в аспекте проблемы соотношения языка и речи
(на материале рассказов В.М. Шукшина) 20

КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКА

Е.В. Ермакова

Эмотивная лексика как средство создания речевого портрета персонажа 24

А.А. Курделяс

Эвфемизмы военно-политической тематики в речи современных российских СМИ 27

А.А. Осичкина

Причины введения неавторизованной информации в подкасты 31

У.В. Сквородкина

Спойлер как речевой жанр: факторы автора и адресата 35

Чжан Юнсян

Китай как действующий субъект в обстоятельствах пандемии
(на материале российских медиатекстов)..... 40

К.Н. Шахура

Экспрессивно-оценочный план в научно-популярных текстах о русском языке 44

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Чжан Лэй

Компонент «Огонь» в китайских и русских фразеологизмах..... 48

А.А. Бирюкова, А.И. Лукьянчикова

Это мы – белорусы..... 51

ЯЗЫК ПИСАТЕЛЯ

И.В. Ревенко

Репрезентация признаков лексем контаминантной семантики
в художественном тексте 55

Н.Н. Бебриш Поле цвета в романе Н.В. Гайдука «Волхитка»	59
М.С. Гурова Особенности функционирования изобразительно-выразительных средств в переводной литературе (на примере поэзии Р.Л. Стивенсона)	63
Ю.Д. Дерезуцкая Особенности функционирования эмотивной лексики в драме А.Н. Островского «Гроза»	68
А.Е. Уфимцев «Затеси» В.П. Астафьева: истоки и перспективы развития жанра миниатюры.....	72

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Е.Ю. Долженкова Освоение медицинской терминологии на занятиях по русскому языку и культуре деловой речи в фармацевтическом колледже	75
О.И. Терентьева Стратегия смыслового чтения: традиционные истоки современной педагогической технологии	79
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	82
СВЕДЕНИЯ О НАУЧНЫХ РУКОВОДИТЕЛЯХ.....	84

РАЗНООБРАЗНЫЕ ВОПЛОЩЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО СИНКРЕТИЗМА КАК ОСОБОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИИ

VARIOUS EMBODIMENTS OF SEMANTIC SYNCRETISM AS A SPECIAL LANGUAGE CATEGORY

А.А. Бариловская

A.A. Barilovskaya

Синкретизм, семантический синкретизм, синкрета, концепт, национальная культура, энантиосемия, синтагматические, парадигматические отношения.

В статье рассматривается семантическая и культурологическая наполненность концепта «терпение». Особое внимание уделяется рассмотрению понятия «энантиосемия» как частного случая проявления семантического синкретизма в языке.

Syncretism, semantic syncretism, syncreta, concept, national culture, enantiosemy, syntagmatic, paradigmatic relations.

The article examines the semantic and cultural content of the concept of patience. Special attention is paid to the consideration of the concept of enantiosemy as a special case of semantic syncretism in language.

Синкретизм языкового знака как символ культуры служит основанием для синтеза всех уровней языка и связи всех его значений [Колесов, 2004, с. 57]. Семантический синкретизм представляет собой лингвистическое явление формально-содержательной языковой асимметрии, при котором один знак одновременно выражает два (и более) значений (семасиологический тип семантического синкретизма) и, соответственно, одно значение выражается двумя (и более) нерасчлененными знаками (ономасиологический тип семантического синкретизма) (подробнее см. [Пименова, 2000]).

Синкрета есть понятие, данное как представление, т.е. не логически, а психологически; это не сам знак (слово), а его содержание, которое сосредоточено только на признаке (одновременно и образ, и содержание понятия), причем признаке сущностном, который для удобства можно было бы назвать концептом. Являясь одновременно и мировоззренческим признаком речемысли, концепт-синкрета способствует созданию собственных семантических ценностей путем развития самой синкреты.

Любой концепт несет устойчивый отпечаток национальной культуры, этнокультурного мира, в рамках которого он сформировался и неотъемлемым фрагментом которого он выступает. Концепт «терпение» является «культурнонагруженным» концептом, поскольку в силу многих причин исторически особенно востребован русской культурой и русским языком.

При диахронном анализе концепта «терпение» необходимо учитывать тот факт, что древним языковым периодам свойственна нерасчлененность значений, т.е. определенный семантический синкретизм. Такая диффузность значений, обусловленная слитностью чувственного восприятия и абстрактной деятельности мышления человека, имеет объективную природу, поскольку объясняется «...физиологическим синкретизмом и ассоциацией наших чувственных восприятий, в которой, при нашей привычке к аналитическому мышлению, мы обыкновенно не даем себе отчета, мы постоянно воспринимаем впечатления слитного характера, природа которых раскрывается нам случайно или при научном наблюдении» [цит. по: Пименова, 2000, с. 11]. С точки зрения В.В. Колесова, «слово-синкрета» – слово, «представленное как образ и воплощенное в символе (языковом знаке)» [Колесов, 1991, с. 43], по Б.А. Ларину, «синкретическое слово» – слово, обладающее «единством полярных значений», «для которого характерен комплекс единства противоположностей, отражающий более ранний, примитивный этап мышления» [Ларин, 1972, с. 20], т.е. *энантисемия*.

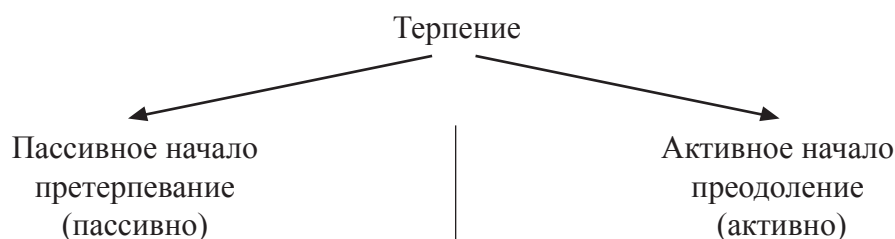

Рис.

Обобщая предшествующие наблюдения лингвистов, можно предположить, что многие этимоны отличает изначальная семантическая нерасчлененность, косвенно оправдывающая теорию и практику так называемой «множественной этимологии», которая допускает одновременное существование нескольких (иногда многих) семасиологических связей в истории того или иного значения.

В ходе анализа имени (ключевого слова) концепта «терпение», по данным русской лексикографии, отражающей словарный состав до XIX в. и XIX–XXI вв., нами было выявлено, что ядерной частью концепта выступают значения:

- *безропотное перенесение чего-нибудь бедственного, тяжелого, неприятного;*
- *смирение с наличием, существованием кого-нибудь, чего-нибудь, поневоле допущение чего-нибудь;*
- *смирение с наличием чего-, кого-нибудь в ожидании перемены к лучшему, каких-нибудь результатов.*

Периферию составляют следующие значения:

– *допущение наличия кого-, чего-нибудь, снисходительное перенесение кого-, чего-нибудь;*

– *упорное выполнение чего-то* (проявление активности действия);

– *совмещение с чем-нибудь, допущение;*

– *испытывание чего-нибудь, подверженность чему-нибудь (неприятному, тяжелому и т.п.);*

– *чувство большой неприязни, отвращения к кому-, чему-либо.*

В результате исследования было показано, что концепт «терпение» – сложное, то есть многослойное, ментальное образование, которое состоит из ядра и ядерных признаков, базового (центрального) слоя и базовых признаков и периферийного слоя, строящегося от более конкретного слоя к более абстрактному. Прототипом, эталоном и основанием концепта «терпение» в русском языковом сознании является теологическое понимание *терпения* как одной из фундаментальных христианских добродетелей.

Основным этимологическим признаком *терпения*, укоренившимся в русском языке, является ‘переживание чего-нибудь тяжелого (в нравственном смысле)’, именно от него образовались «производные» смыслы ‘страдание’, ‘смирение’, ‘ожидание’, ‘преодоление’ – последний указывает уже на **а к т и в н о с т ь** действия (проявление энантиосемии).

В русских пословицах и поговорках концепт «терпение» в основном реализуется в значении: ‘стойко, мужественно переносить невзгоды в ожидании каких-нибудь результатов, надежды на лучшее’.

В публицистике обычно наиболее активно вербализуются такие осмысления концепта:

– *мириться с чем-н., кем-н., допускать наличие, существование кого-н., чего-н., снисходительно переносить кого-н., чего-н.;*

– *(с отрицанием не) быть совместимым с чем-н., допускать, делать возможным;*

– *испытывать что-н., подвергаться чему-н. (неприятному, тяжелому).*

Обращение к текстам интернет-пространства позволило увидеть, что смыслы, которые носители русского языка сегодня вкладывают в слово *терпение*, более широки и разноаспектны, чем те определения и характеристики *терпения*, которые фигурируют в качестве основополагающих в словарных дефинициях и энциклопедических словарях. В качестве основных особенностей вербальной реализации концепта можно выделить многозначность, антиномичность, активность употребления.

Семантическая и культурологическая наполненность русского концепта «терпение» (содержание, объект, ассоциативные составляющие) иногда варьируется в зависимости от контекста употребления (общекультурный контекст, контекст народной культуры, контекст сайтов Интернета), но вместе с тем сохраняет внутреннюю целостность, детерминируя семантику языковых знаков, в которых он находит свое воплощение.

Терпение по-прежнему является одним из важных концептов русской ментальности. Актуальным становится толкование *терпения* как способности долго, проявляя упорство и настойчивость, делать что-либо, заниматься чем-либо. В таком понимании акцентируется новая черта, а именно активность действия, что является признаком *энантисемии* в диахронии.

Таким образом, как показывают примеры, семантический синкретизм может получать разные воплощения. На лексическом уровне семантический синкретизм проявляется в словах-синкретах, эксплицирующих в линейном ряду не только синтагматические, но и парадигматические отношения лексических единиц.

Библиографический список

1. Колесов В.В. Семантический синкретизм как категория языка // Вестник ЛГУ. Сер. 2. 1991. Вып. 2, № 9. С. 40–49.
2. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 237 с.
3. Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X – середины XVIII века). М., 1972. 276 с.
4. Пименова М.В. Семантический синкретизм и синкретсемия в древнерусском языке: научн. докл. СПб., 2000.

КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ ОЦЕНОЧНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ (на материале говоров Красноярского края)

COGNITIVE MODELS OF EVALUATIVE PHRASEOLOGICAL UNITS (based on the dialects of the Krasnoyarsk Territory)

С.П. Васильева

S.P. Vasilyeva

Когнитивная модель, фразеологизм, говоры, Красноярский край, оценочный, макрокомпонент.

В статье осуществлена попытка представления когнитивной модели оценочных фразеологизмов на основе выделения информационно-параметрической блок-схемы по В.Н. Телия.

Cognitive model, phraseology, dialects, Krasnoyarsk Territory, evaluative, macro component.

The article attempts to present a cognitive model of evaluative phraseological units based on the allocation of an information-parametric flowchart by V.N. Telia.

Фразеологическая картина мира активно исследуется в современной лингвистике на основе лингвострановедческого, контрастивного, лингвокультурологического и когнитивного подходов, на материале одного или нескольких языков. Эти исследования позволяют выяснить перечень образов, стереотипов, сформированных во фразеологических картинах мира языков в связи с сохранением определенных культурных ассоциаций и коннотаций в рамках семантики фразеологизмов.

Когнитивный подход в исследовании фразеологии нацелен на воссоздание картины мира, в которой важнейшее значение имеет набор ценностей, то есть тип информации, выражающий оценку. «Под оценкой понимается суждение о ценности обозначаемого в целом или отдельного его свойства (объект оценки)» [Телия, 1996, с. 109].

В то же время когнитивный аспект включает исследование когниции как способа хранения информации в языковых единицах.

Обратимся к варианту функционально-параметрического описания фразеологизмов в виде блок-схемы, представляющей определенные кванты информации по В.Н. Телия. Сущность такого описания в том, что вся информация плана содержания может быть расчленена на ряд макрокомпонентов значения:

денотативный макрокомпонент обобщенно представляет объективные признаки, которые существуют в действительности;

грамматический макрокомпонент отображает грамматические свойства фразеологизмов;

оценочный макрокомпонент понимается как рационально-логическое суждение об отображаемом по шкале «хорошо – плохо»;

эмотивный макрокомпонент отражает чувство-отношение субъекта к обозначаемому как «одобрение – неодобрение»;

мотивационный макрокомпонент – информация о возникновении значения фразеологизма, его соотношении с образным основанием, лежащим в основе оборота для обозначения действительности;

стилистический макрокомпонент – маркированность фразеологизма в определенной сфере коммуникации на основе уместности/неуместности его употребления [Телия, 1996, с. 104–128].

Цель исследования – выявить когнитивные модели оценочных фразеологизмов и способы вербального выражения лингвокультурной информации.

Для этого из Словаря русских говоров центральных районов Красноярского края (СРГЦР) были выписаны фразеологические единицы оценочного характера следующих тематических групп: внешность человека, физические недостатки, оценка жизнеспособности [СРГЦР].

Внешность человека: *Не до дна в масле* – невзрачен, внешне некрасив – Мужик у нее был не до дна в масле; рыжий, нос горбинкой, но работающий, надо сказать, все в доме делал, хозяйство образцово вел. Богуч.

Определяем информацию плана содержания по блокам:

денотативный макрокомпонент (ДМ) – верхний прозрачный слой масла;

грамматический макрокомпонент (ГМ) – предложное сочетание с отрицанием;

оценочный макрокомпонент (ОМ) – некрасивый;

эмотивный макрокомпонент (ЭМ) – неодобрение;

мотивационный макрокомпонент (ММ) – до дна масло хорошее, а на дне – плохое, с осадком;

стилистический макрокомпонент (СМ) – диалектная речь.

В СРГЦР зафиксировано однокоренное слово «оденок», во втором значении подтверждающее мотив фразеологизма: ОДЕНОК, и, м. 1. Остаток от стога, копны, зарода сена, соломы. Ср.: ПОДЕНОК, ПОДОНОК, ПОДОНЬЕ. – Ходи оденки собери на подстилку скоту. Аб.; Все сено скормили, остались одне оденки. Кч.; Сено привезли хорошо, оденки все подобрали. Бх.; Ид.; Уж. 2. Остатки какой-л. жидкости на дне сосуда. – Кваса одне оденки остались. Бз.; Налей пивка. – Да одне оденки уж тут в битончике. Нз.

По-банному крыт – невзрачен, внешне некрасив. – Вот человек плохой – про него и говорят: по-банному крыт. Мотыг.

Определяем информацию плана содержания по блокам:

ДМ – о невзрачном, некрасивом человеке;

ГМ – сочетание краткой формы причастия с наречием образа действия;

ОМ – плохой;

ЭМ – неодобрение;

ММ – баня – постройка утилитарного типа с двускатной крышей.

В СРГЦР зафиксировано однокоренное слово «банкарт», подтверждающее мотив фразеологизма: БАНКАРТ. – Незаконнорожденный ребенок. – Банкарт у нее родился. Тх.; Дз.

Во «Фразеологическом словаре русских говоров Сибири» под редакцией А.И. Федорова находим синонимичный фразеологизм, на основе денотативного макрокомпонента «Баня». БАНЯ. – У царя баня дотла. Неодобрит.

Непутевый. – Такая девочка была, а выросла девка – у царя баня дотла, нехороша (Новосиб., 1975) [ФСФ].

Физические недостатки: *Одни лытки* – худой. – Если худой человек, «одни лытки», говорят. Кап.

Определяем информацию плана содержания по блокам:

ДМ – худой, костлявый;

ГМ – сочетание с определительным местоимением в значении ограничения;

ОМ – плохой;

ЭМ – неодобрение, жалость;

ММ – соматизм *лытки* (кости).

В СРГЦР зафиксировано слово «лытка»: ЛЫТКА, и, ж. 1. Бедро человека, животного. – Надела юбку – все лытки наголе. Кч.; Бегаёт, хоть бы лытки прикрыла. Нж. 2. Голень животного. – Отруби-ка лытки на холодец. Ем.: Емел.; Из лытки сварю холодец к празднику. Сх. ◊ ЛЫТКИ ЗАСВЕРКАЛИ. О быстром беге человека. – Только лытки засверкали – шибко побежала. Аб.; Бг. ◊ ОДНИ ЛЫТКИ (ОСТАЛИСЬ). Об исхудавшем человеке. – Высокий, худущий, одни лытки остались. Бл.

В литературном языке употребляется синонимичный фразеологизм *одни кости*. – Разг., экспрес. Крайне худой, изможденный. – Спит сиротка, – сказала старуха. – Худенький, тощенький, одни кости (Чехов. Бабы). Русские спустились вниз и начали работать... Было их пятеро, ужасно худые, истощенные, в общем, одни кости (М. Зарембский. Три встречи) [Фразеологический словарь русского литературного языка].

Оценка жизнеспособности: *Чалый да драный* – кто попало. – Остались в деревне чалый да драный. Кежем.

Определяем информацию плана содержания по блокам:

ДМ – тот, кто ленится да тот, кто в рванье;

ГМ – сочинительная связь однородных определений с союзом *да*;

ОМ – ни на что не способный;

ЭМ – неодобрение;

ММ – ленивый, в рваной одежде (опустившийся, не следящий за собой).

В СРГЦР зафиксированы однокоренные слова «чалиться», «дранки» подтверждающее мотив фразеологизма: ЧАЛИТЬСЯ, несов., неперех. Отдыхать, бездействовать. – Что ты, дед, все чалишься на диване, пошел бы в магазин сходил. Бр. ДРАНКИ, обычно мн. Старые разноцветные тряпки, изорванные на тонкие полоски. Ср.: ДРАНЬЕ 1. – Дранки нарвешь, потом их скручивашь и идут (они) на уток. Потом ткем половики из дранок. Мн.; Сносившуюся старую одежду не выбрасывали, а перекрашивали в разные яркие цвета, потом рвали на ленточки – дранки – и ткали имя. Аб.; Дранки наматывали на цевки. Ем.; Бх.

Ленивый: 1) *Лень стылая* – Очень ленивый человек. – Если уж совсем человек не хочет работать, то его называют «лень стылая». Богуч.

2) *Лень несосветная* – об очень ленивом человеке. – Лежишь? Ну, лежи-лежи, выляживайся, лень несосветная. Бз.; А мой-то, ну чисто несосветна лень. Кч.

3) *Лень из лени* – о чрезвычайно ленивом человеке. – Ты че грязь-то не него льешь: сама больно хороша – лень из лени, только бы спать да есть. Нз.

Варианты фразеологизма на основе денотативного макрокомпонента «Лень».

Определяем информацию плана содержания по блокам:

ДМ – не желающий работать, ленивый;

ГМ – высокая степень проявления качества выражена словосочетаниями с прилагательными: 1) *стылая*, 2) *несоветная*, 3) предложным сочетанием со значением усиления качества *лень из лени*;

ОМ – плохой;

ЭМ – неодобрение;

ММ – проявление лени в высокой степени.

Таким образом, когнитивные модели рассмотренных оценочных фразеологизмов имеют следующие специфические особенности: денотативный макрокомпонент содержит оценку внешности человека, физических недостатков, оценку жизнеспособности. Оценочный макрокомпонент содержит негативную информацию о внешности человека (некрасивый, плохой, худой). Эмотивный макрокомпонент всех рассмотренных фразеологизмов содержит неодобрение, выраженное в вариантах фразеологизмов со значением «ленивый» экспрессивными прилагательными, усиливающими негативную характеристику: (лень) *стылая*, *несоветная*; предложным словосочетанием усиления качества (*лень из лени*). Мотивационный макрокомпонент содержит элементы образно-ассоциативного восприятия характеризуемого объекта, основанные на бытовых образах (до дна *масло* хорошее, а не до дна – плохое, с осадком; *баня* как постройка утилитарного типа; рванье), соматизмах (*одни лытки*), путем переноса обозначения качества продукта (масло), утилитарной постройки (баня), части тела человека (лытки) в эстетическую сферу.

Библиографический список

1. Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края / под общ. ред. О.В. Фельде (Борхвальдт); Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2003–2008. Т. 1–4 (СРГЦР).
2. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
3. Фразеологический словарь русских говоров Сибири / под ред. А.И. Федорова. Новосибирск: Наука, 1983. 232 с. (ФСФ).
4. Фразеологический словарь русского литературного языка / под ред. А.И. Федорова. URL: <https://gufo.me/dict/fedorov/> (дата обращения: 10.11.2022).

Список сокращений

Аб. – Абанский район

Бг. – Боготольский район

Бз. – Березовский район

Бл. – Большеулуйский район

Богуч. – Богучанский район

Бр. – Бирилюсский район

Бх. – Балахтинский район

Дз. – Дзержинский район

Ем. – Емельяновский район

Ид. – Идринский район

Кч. – Казачинский район

Мотыг. – Мотыгинский район

Нж. – Нижнеингашский район

Нз. – Назаровский район

Тх. – Тюхтетский район

ИДЕОЛОГИЯ И СИМВОЛИКА ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «АУЕ» КАК ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

IDEOLOGY AND SYMBOLS OF THE EXTREMIST ORGANIZATION AUE AS AN ISSUE OF LEGAL LINGUISTICS

А.В. Кипчатова, М.В. Шибает

A.V. Kipchatova, M.V. Shibaev

Экстремизм, экстремистское движение, юрислингвистика, идеология, символика, АУЕ, запрещение, социокультурное пространство.

В статье дается характеристика основных идеологем и символов международного общественного движения «АУЕ», которое по решению Верховного суда РФ от 17 августа 2020 г. признано экстремистским, а его деятельность запрещена на территории Российской Федерации. Основные понятия, представленные в материале исследования, соотнесены с реальными фактами и положениями, которые нашли отражение в реальной экспертной деятельности авторов.

Extremism, extremist movement, legal linguistics, ideology, symbols, AUE, prohibition, socio-cultural space.

The article describes the main ideologems and symbols of the international public movement AUE, which by the decision of the Supreme Court of the Russian Federation of August 17, 2020 was declared as extremist, and its activities are banned in the Russian Federation. The basic concepts presented in the research are correlated with real facts and provisions that are reflected in the real expert activity of the authors

Решением Верховного суда Российской Федерации от 17.08.2020 общественное движение «Арестантское уголовное единство» признано экстремистским и его деятельность на территории России запрещена.

В соответствии с Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» экстремистской деятельностью (экстремизмом) признаются в том числе пропаганда и публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций [Федеральный..., 2002].

В настоящее время за распространение информации о данном движении без указания на то, что его деятельность запрещена, виновное лицо подлежит привлечению к административной ответственности по ч. 2 ст. 13.15 КоАП РФ, а за пропаганду либо публичное демонстрирование, а также изготовление или сбыт в целях пропаганды либо приобретение в целях сбыта атрибутики или символики движения «АУЕ» – по ч. 1, 2 ст. 20.3 КоАП РФ [КоАП РФ, 2001].

Кроме того, информационные материалы, раскрывающие аспекты проявлений деятельности движения «АУЕ» и пропагандирующие рассматриваемую субкультуру и ее идеологию либо оправдывающие его деятельность, могут быть

признаны экстремистскими и включены в федеральный список экстремистских материалов, массовое распространение которых, а равно производство либо хранение в целях массового распространения является правонарушением и влечет административную ответственность по ст. 20.29 КоАП РФ.

Что такое АУЕ (вариант – А. У. Е.)?

Описание любого элемента социально-культурного пространства следует начинать с определения терминологических понятий, его формирующих.

Рассмотренные материалы и документы дают достаточно противоречивое определение «АУЕ»: «организация», «общественное движение», «(криминальная) субкультура», «сообщество». Правоприменитель употребляет данные понятия как равнозначные.

В то же время при определении особенностей структуры «АУЕ» важно выявить формы проявления «социального», того, что определяет нормы и способы поведения человека, поскольку принадлежность к определенному сообществу, субкультуре, движению определяет образ жизни человека в различных его проявлениях.

По отношению к представленным определениям термин «субкультура» кажется нам наиболее приемлемым, поскольку в нем находит отражение социальный аспект взаимоотношения человека и общества: именно через вхождение в разные субкультуры человек осмысляет себя в социуме, ищет свою идентичность и формирует свою картину мира: «субкультуры <...> представляют собой возможные выборы, которые делают группы или индивиды из культурного целого» [Соколов, 1989]. Каждая субкультура – это один из возможных выборов, в отличие от культуры в целом, которую человек выбрать не может.

Субкультура находит отражение в организации сообществ, движений и организаций.

Для представителей рассматриваемой социальной группы наряду с признаками социально-организационного плана характерна **специфика словесного выражения** («вербальная специфика» (термин Т.Б. Щепанской)). В основе этой специфики лежат коммуникативно-этические составляющие, куда следует отнести нормы, оценки, презумпции, запреты, предписания.

На наш взгляд, «АУЕ» представляет один из видов криминальной субкультуры, которая находит выражение в установлении определенных норм и правил, иерархии отношений в среде заключенных, требования строгого соблюдения установленного или установившегося порядка, что и находит отражение в понятии «уклад», которое становится ключевым в определении данной субкультуры, где **уклад** – 1) а) Установленный или установившийся порядок в организации чего-л., устройство чего-л. [Ефремова, 2006].

Отметим, что аббревиатура АУЕ имеет несколько вариантов толкования, первый из которых – «**арестантский уклад един**»; второй – «**арестантское уркаганское единство**». Кроме этого, предлагаются следующие расшифровки: «**арестантское уголовное единство**», «**арестантский устав един**». В представленных толкованиях обозначена отнесенность наименования к определенному

социальному слою, что связано с семантикой слова *арестантский* – разг. 1) Соотносящийся по знач. с сущ.: арестант, связанный с ним, где: *арестант* – разг. Тот, кто находится под арестом (1) [Ефремова, 2006].

Материалы, как правило, поступающие на исследование в рамках лингвистической экспертизы, включают как изобразительный ряд, так и вербальную составляющую. В свою очередь, рассматриваемые высказывания соотносятся с установками и идеологией международной экстремистской организации «Арестантское уголовное единство».

В рамках семантико-стилистического анализа выделяются основные признаки, являющиеся значимыми для определения отношения исследуемых материалов к собственно организации «АУЕ». В частности, к таким признакам относятся:

1. Лексика, отражающая систему иерархических отношений в криминально-уголовной арестантской среде.

Например, **воры** – лица, занимающие лидирующее положение в иерархии, «криминальные авторитеты» (*Вор воровским живет короче. Вор это короче тот кто судьбы решает. [...] (Да), там где вор, там короче, будет и все по совести, по справедливости короче, как оно должно быть по жизни¹*);

– **бродяги** – профессиональные преступники, соблюдающие воровские законы и отрицательно настроенные по отношению к альтернативным воровским институтам власти (*Бродяга это без решения сходки вор короче. Можно сказать (корень) воровского. Это тот кто идею воров. В массу несет, слово вора*);

– **мужики** – наиболее многочисленная каста арестантов, не имеющая права голоса при решении административных вопросов, но от которой тем не менее требуется соблюдение «воровского уклада», то есть кодекса поведения (*Мужик это опора, фундамент воровского, образ жизни*);

– **козлы** – арестанты, сотрудничающие с администрацией исправительного учреждения, относятся к одной из низших каст, поражены в правах (*Так оно вообще есть, как оно у нас, по жизни, короче? Как оно должно быть. Козел вообще на равных с мужиком (нрзб.) разговаривать*).

2. Лексика, используемая для обозначения уголовно-криминальных идеологом (элементов идеологической системы), к которым, в частности, относятся следующие.

– **Воровское, воровской ход** – особый уклад жизни, характерный для одной из каст заключенных, включающий обязательные для выполнения предписания: настоящий вор не должен иметь семьи, ни при каких условиях не может сотрудничать с властью, не может иметь частной собственности и предметов роскоши. Все, что добыто, идет в «общак», присмотр за которым и был является обязанностью «воров в законе» (<https://www.mzk1.ru/1999/07/vorovskoj-hod/>). Иногда встречается вариант фразы «черный ход».

¹ Здесь и далее используемые в качестве иллюстративного материала цитаты даются по материалам судебных лингвистических экспертиз переговоров сторонников движения «АУЕ», проведенных авторами.

– **Людское, «Людской ход»** – совмещает в себе воровские понятия с человеческими. Соблюдающие «людской ход» заключенные в местах лишения свободы (МЛС) считаются порядочными зэками. Людской ход от воровского может отличаться некоторой мягкостью, но только для мужика, которую не могут позволить себе сами «люди» (шпана, бродяги, воры в законе). В людском – акцент делается больше на интересе мужика, чтобы он не знал проблем ни от администрации, ни от братвы и особо не зависел от воровской мурки.

– **Порядочность** – понятие «порядочный, порядочность» (на основе ресемантизации) связано с «продвижением» по иерархической лестнице: от «порядочного мужика» к «вору», а также с понятием «людское» (людское – это стремление к взаимопомощи, взаимопониманию, сочувствию, самопожертвованию, одним словом, к взаимодействию). Придерживающийся их человек называется **порядочным арестантом**, к которым могут быть причислены и **мужики**, и **братва** (*Должен, короче, каждый порядочный (нрзб.), не выходить за пределы своей. Э-э, придерживатся, и кто-то жить, нужно придерживатся уклада, что ворами (поставлен)*).

– **Общее** – одно из ключевых понятий в системе отношений АУЕ. С одной стороны, правила, неписанные законы, кодекс чести. С другой – это то, что собирается заключенными на нужды конкретного учреждения: СИЗО, тюрьмы, лагеря. Общее формируется за счет своеобразных «взносов» заключенных, которые те вносят деньгами или какими-то другими полезными вещами, которые могут пригодиться в неволе (<https://vturme.info/obshhee-i-vorovskoe-что-jeto-takoe-i-nuzhno-li-platit/>).

3. Характерные для сторонников идеологии устойчивые выражения.

– **Жизнь вора** («X1 – *Давайте, жизнь вора, здоровья. X2 – Вечная, вечная вора жизнь*»).

– **Арестантский уклад един (АУЕ)** (*Так АУЕ это приветствие, арестантский уклад един, что он для всех нас един короче. Есть уклад вот и все. (нрзб.) ворами, там где основы, азы вора-, арестантской жизни есть короче*).

К основным идеологическим тезисам международного общественного движения «Арестантское уголовное единство» согласно решению Верховного суда РФ относятся:

- отрицание главенствующей роли права;
- идея «воровской» власти как антипода действующей государственной власти;
- пропаганда насилия как способа достижения цели;
- пропаганда воровских и тюремных сводов правил;
- пропаганда престижности совершения преступлений;
- возбуждение ненависти и вражды по отношению к представителям институтов власти.

Часть из этих тезисов проявляется и в программном тексте движения, т.н. «укладе»:

– «Кто пошел против Вора – тот б@дь (*нецензур.*)» (авторитет лидеров движения непререкаем).

– «Доводите до вновь прибывших нашенский уклад» (пропагандируйте идеологию движения).

– «При рамсах не порите отсебячину» (решение конфликтных ситуаций – прерогатива лидеров движения).

– «Уделяйте внимание на общее, помните, общее для нас свято, это показатель Вашей Здравости и Порядочности» (финансируйте деятельность движения).

– «Пресекайте неправильное» (не позволяйте людям совершать поступки, противоречащие идеологии движения).

К символике общественного движения «АУЕ», то есть к ядерным символам, используемым сторонниками «АУЕ» и отражающим основные идеи и понятия данного движения, следует отнести.

1. Изображение т.н. «воровской» звезды.

2. Восклицание или приветствие «жизнь вора» и производные от этой фразы.

3. Восклицание или приветствие «АУЕ», а также варианты расшифровки этой аббревиатуры.

Остановимся подробнее на каждом из пунктов.

1. «Воровской» звездой следует считать монохромное изображение звездчатого многоугольника, соответствующего нескольким критериям (здесь и далее ядерные, наиболее характерные свойства символа будут отмечены литерой «Я», а периферийные свойства – литерой «П»):

а) наиболее употребительным является восьмилучевой вариант (Я), однако встречается версия с шестнадцатью лучами (П), а также варианты с совмещением двух четырехлучевых звезд (с общим центром и отклонением вершин в 45 градусов, что создает частичное перекрытие фоновой звезды) (П) или четырех четырехлучевых звезд (с общим центром и отклонением вершин в 22,5 градуса, что создает частичное перекрытие фоновых звезд) (П);

б) лучи выделены и разделены осью симметрии надвое, т.е. центр фигуры соединен прямыми отрезками со всеми углами фигуры (Я), в случае с совмещением четырех четырехлучевых звезд также возможны варианты, когда звезда, расположенная на переднем плане (одна или совместно с другой звездой, лучи которой отклонены на 45 градусов), не содержит прямых отрезков, соединяющих углы, а используется в качестве фона для интегрирования значимого в рамках идеологии движения визуального образа, часто визуализирующего коннотативные семы «агрессии» и «отрицалова» (например, волка, кота, свастики и т.п.) (П);

в) одна из сторон луча окрашена, другая – нет (входящие в состав фигуры треугольники с общим основанием, которым является отрезок между центром звезды и любой из ее вершин, с вершинами – расположенными справа и слева тупыми углами, являются разноцветными, что создает оптический эффект объема);

г) лучи равноудалены от центра (Я), реже встречается вариант, при котором горизонтально и вертикально расположенные лучи длиннее, чем лучи, расположенные диагонально (П).

2. Восклицание/приветствие «жизнь вора» (в смысловом отношении являющееся семантически диффузным позитивным пожеланием лидерам движения –

«ворам») часто имеет различные варианты продолжения, построенные по принципу оппозиции и преимущественно рифмованные, например: «жизнь ворам, х...й мусорам» или «жизнь ворам и аферистам, смерть бл...м и активистам».

3. Варианты расшифровки аббревиатуры АУЕ, также используемые в качестве восклицания или приветствия, могут быть вариативными (см. об этом выше).

Отдельно отметим, что в случае использования аббревиатуры АУЕ или ее расшифровок, а также фразы «жизнь ворам» не в качестве восклицания или приветствия их символическое значение по большей мере нейтрализуется.

От символики (как юридически значимой категории) следует отграничить вербально выраженные маркеры, позволяющие с относительно высокой степенью вероятности идентифицировать сторонников движения «АУЕ».

Не претендуя на полноту классификации таких маркеров, можно представить их следующим образом.

1. Маркеры, связанные с поведенческим кодексом движения, а также с организацией поведения в соответствии с этим кодексом. К данной категории можно отнести само понятие «уклада» – сборника правил, регламентирующего жизнь сторонников движения, словосочетания «людской ход», «воровской ход», «черный ход», используемые для обозначения жизни по этим правилам. К этой же категории, вероятно, следует отнести и активное использование формулировок типа «для меня это неприемлемо» (частотность которых в среде сторонников движения существенно выше, чем среди большинства носителей русского языка).

2. Маркеры, связанные с идеализацией морально-нравственных качеств лидеров движения. К данной категории можно отнести, например, широко употребительное словосочетание «кристальная чистота», используемое для подчеркивания непогрешимости «воров».

3. Маркеры, связанные с иерархической системой, разделяемой сторонниками движения. В первую очередь это такие номинации, как: «воры», «блатные», «положенцы», «смотрящие», «бродяги», «стремяги», «мужики», «вязаные» (они же «шерстяные»), «обиженные».

4. Маркеры, связанные с кассой взаимопомощи, контролируемой лидерами движения. Данная категория включает в себя слова «общак», «общее», «котел», «коробка» как названия для разных вариантов этой кассы, «уделять» или «уделять внимание» в значении «вносить деньги в такую кассу».

5. Маркеры, связанные с сакрализацией пенитенциарных учреждений. Сюда можно отнести слово «ДНО» т.е. «дом наш общий», места лишения свободы, а также т.н. «святые места» (святые места для арестантов), включающие в себя санчасть, карантинное отделение, штрафной изолятор, помещения камерного типа и т.д.

6. Маркеры, связанные с использованием аббревиатур, в особенности с переосмыслением слов быденного языка в качестве аббревиатур (несмотря на то что классифицирующий признак данной группы связан не с содержанием, как у остальных групп, а с формой выражения, авторы считают ее упоминание необходимым в связи с широким распространением в среде сторонников движения).

К этой группе можно отнести такие аббревиатуры, как «КОТ» («коренной обитатель тюрьмы»), «БАРС» («бей актив, режь сук»), «ЗЛО» («за все легавым отомщу»), «ЛХВС» («легавым х...й, вора́м свободу»), уже упомянутое выше «ДНО», а также многие другие. К этой же категории стоит отнести популярную аббревиатуру на английском языке: «АСАВ» («all cops are bastards», то есть «все копы – ублюдки») и ее зашифрованную версию (по принципу порядка расположения букв в алфавите) «1312».

Библиографический список

1. Дзиковская С.Г., Грабчак О.О. Субкультура «АУЕ» – основные подходы к пониманию // Лучшая научная статья 2017: сб. ст. XIII Междунар. науч.-практ. конкурса: в 2 ч., Пенза, 30 ноября 2017 г. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2017. С. 151–155.
2. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. М., 2006.
3. Иванова Ю.А., Меняйло Д.В., Меняйло Л.Н. Ауе – криминальное молодежное движение: сущность и способы распространения // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aue-kriminalnoe-molodezhnoe-dvizhenie-suschnost-i-sposoby-rasprostraneniya> (дата обращения: 13.10.2022).
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП Российской Федерации) от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ.
5. Мызников А.Г., Карташов И.И. АУЕ как современная молодежная криминальная субкультура // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 73-5. С. 73–76.
6. Решение Верховного Суда РФ по делу № АКПИ20-514с от 17 августа 2020 г.
7. Соколов Э.В. Понятие, сущность и основные функции культуры: учеб. пособие. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ин-та культуры им. Н.К. Крупской, 1989. 84 с.
8. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».
9. Чирун С.Н. Молодежное «Ауе» как интегральный феномен российского постмодерна // Мониторинг. 2019. № 1 (149). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnoe-aue-kak-integralnyy-fenomen-rossiyskogo-postmoderna> (дата обращения: 12.10.2022).

ДИНАМИКА РАЗГОВОРНОГО СИНТАКСИСА В АСПЕКТЕ ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ЯЗЫКА И РЕЧИ (на материале рассказов В.М. Шукшина)

DYNAMICS OF COLLOQUIAL SYNTAX
IN THE ASPECT OF THE PROBLEM
LANGUAGE AND SPEECH CORRELATIONS
(on the material of V.M. Shukshin's stories)

А.А. Коняшкин

A.A. Konyashkin

Научный руководитель **С.П. Васильева**
Scientific adviser **S.P. Vasilyeva**

Язык, речь, разговорный синтаксис, предложение, высказывание, односоставное предложение, сложное предложение, динамические процессы, стилистика, аналитические конструкции.

В статье обзорно рассматриваются динамические процессы в разговорном синтаксисе рассказов В.М. Шукшина. Объект исследования – это аналитические конструкции простого и сложного предложений. Их анализ в аспекте соотносительной связи языка и речи составляет основное содержание представляемой работы.

Language, speech, colloquial syntax, sentence, utterance, single sentence, compound sentence, dynamic processes, stylistics, analytical constructions.

The article reviews the dynamic processes in the colloquial syntax of V. M. Shukshin's stories. The object of the research is analytical constructions of simple and compound sentences. Its analysis in the aspect of the correlative relation between language and speech constitutes the main content of the presented article.

Динамические процессы в русском языке всегда определялись активным, творческим отношением к его потенциалу. Такое отношение порождает речетворческие инновации, репрезентируемые носителями языка во всех сферах коммуникации, в первую очередь разговорной речи и художественной литературе.

Разговорный синтаксис (РС) – это особый строй речи, специфика которой в наличии типизированных и клишированных (синтаксически несвободных, фразеологизированных) конструкций, характерных для разговорной речи и функционирующих главным образом в ее сфере. Они, наряду с экспрессивной разговорной лексикой, являются основными маркерами разговорной речи [Шведова, 1960, с. 6–8; Лаптева, 1976, с. 124–125].

Типизированные конструкции разговорного синтаксиса – это модели, имеющие разное лексическое наполнение, широкий состав синтаксических моди-

фикаций. По утверждению А.Н. Гвоздева, специфика разговорной речи в первую очередь проявляется в огромном количестве стабилизированных построений, застывших конструкций, «шаблонных фраз» – «языковых формул», не требующих отчетливого синтаксического членения [Гвоздев, 2018, с. 187–195].

В целом РС характеризуется большим количеством вопросительных и восклицательных, неполных, эллиптических, нечленимых предложений, аналитических конструкций, количественным преобладанием простых предложений над сложными, односоставных над двусоставными, бессоюзных над союзными, сочинительной связи над подчинительной. Динамические процессы в РС – явление закономерное.

Одной из проблем отечественного языкознания является проблема дифференциации предложения и высказывания. В синтаксических исследованиях эти понятия зачастую используются как дублиеты.

Предложение – это единица языка, высказывание – единица речи, «речевая реализация предложения» [Бондарко, 1978, с. 96].

«В такой трактовке предложение и высказывание хотя и соотносятся как взаимосвязанные явления, однако рассматриваются отдельно, допускается как бы автономное существование их в соответствующих системах (языковой и речевой)» [Лекант, 2002, с. 296].

Проблема разграничения предложения и высказывания, базовых понятий синтаксиса, обострилась в связи с ростом интереса к соотношению формы и содержания основной единицы синтаксиса в коммуникативном аспекте.

Противопоставление предложения и высказывания как особых единиц – это, в сущности, противопоставление языка и речи как единого целого. Они антонимически противопоставлены, но это диалектическое единство. Однако в современной отечественной лингвистике утвердились различные концептуальные подходы к его исследованию. В соответствии с этим система языка и система речи зачастую «автономизируются»: «Отечественное языкознание отграничивает системность языковую от речевой системности, понимая ее динамически как саморазвивающуюся систему с собственными законами развития языка на текстовом уровне» [Краснова, 2011, с. 2].

Подобные утверждения вызывают возражения, ибо язык – это функционирующая система, то есть он же – и речь. Это неразрывное диалектическое единство.

Языковые системы изучены относительно. В процессе функционирования языка происходят бесчисленные смысловые изменения, «расширение» смыслов, когда живая речь как бы «не помещается» в «схематичную» нормативную грамматику. Это служит основанием для отделения от лингвистики языка лингвистики речи. Проблема установления их соотносительной связи – традиционная проблема языкознания.

Динамичность разговорного синтаксиса в рассказах В.М. Шукшина исследуется путем выявления особенностей функционирования компонентов языковой системы. Так, примером динамических процессов в сфере односоставного предложения может служить актуализированная последовательность неопределенно-

личных предложений в следующем текстовом фрагменте: *Стеньку застали врасплох. Врасплох ночью с бессовестными глазами и кинулись на атамана... Завозились. Хрипели. Негромко и страшно ругались... Глумились. Топтали могучее тело. Распинали совесть свою. Били по глазам...* (Стенька Разин).

Активность аналитических конструкций в текстах В.М. Шукшина подтверждает мысль Е.Н. Ширяева о том, что аналитизм – это определенная тенденция русского разговорного синтаксиса [Ширяев, 1996, с. 195].

Примеры составных аналитических форм сказуемого: *Ну давай слезать будем* (Как помирал старик); *Давай-ка по рюмочке пропустим* (Наказ); *Пусть будет так* (Чудик); *Пускай знают* (Как зайка летал на воздушных шариках).

Приглагольные частицы (термин Н.Ю. Шведовой) являются структурными элементами сказуемого. Тем самым осложняется предикативная структура предложения, а это усиливает динамику речи.

При помощи частицы *было* выражается значение прерывания одного действия другим: *Увидев меня, председатель кинулся было за мной, но я так дернул с места, что он сразу остановился* (Жатва); *Ванька хотел было встать, ему не дали* (Танцующий Шива).

Исследуя сочинительные конструкции в динамическом процессе их функционирования в рассказах В.М. Шукшина, Е.А. Краснова справедливо отмечает, что сочинительные высказывания полифоничны [Краснова, 2011, с. 21].

Полифоничность – фундаментальный признак коммуникативного уровня языковой системы.

Одним из характерных показателей динамичности РС является пропуск внутреннего звена высказывания – союза или ключевого слова: *У меня грудь болит с вами трепаться* (Генерал Малафейкин); – *Я думаю, уже не опасаются* (Владимир Семеныч из мягкой секции); – *С гармошкой-то. Который в окно-то лазил* (Критики). Ср.: *У меня грудь болит, чтобы с вами трепаться* и т.п.

Синтаксис – система динамичная: предшествующий языковой компонент предопределяет последующий, «продвигает» его. Этот же принцип лежит в основе мышления. Мысль динамична. Язык зеркально отражает это.

Синтаксис – это высший уровень языковой системы, «вмещающий» в себе другие уровни. Это означает, что другие уровни также «синтаксически значимы».

Наибольшее количество динамических тенденций разговорного синтаксиса проявляется в сложных предложениях. Данная закономерность, в частности расчлененность синтаксической структуры, обуславливается многообразием средств связи между предикативными частями.

Так, в ССП активно используется стилистический прием парцелляция – отделение точкой предикативных частей предложения. Например: *И отодвигалась на самый край сиденья. И все. И забыл о ней* (Степкина любовь).

В несвободных СПП актуализируется логика повествования. Логичность данных построений репрезентируется в мотивирующих отношениях – временных, причинных, условных, уступительных и т.д.

Например: *Как только появился род человеческий, так появилось зло (Верую!); Я только погляжу на твою спокойную... на твое лицо, так у меня в голове все замутится* (Други игрищ и забав).

Это несвободные СПП, грамматическое значение которых – мотивирующие временные отношения. Они осложняются добавочными значениями непосредственного следования, быстрой смены действий.

Время концептуализирует постоянную изменчивость мира в калейдоскопе взаимосвязанных событий. Экзистенциальность шукшинских рассказов в значительной степени предопределяется особенностями отображения художественного времени посредством разговорного синтаксиса.

СПП с придаточным условным: *Будь на то Алешина воля, он бы еще пятерых смастерил («Алеша Бесконвойный»); А поучи-ка меня годов десять, как этих лоботрясов нынче, да я бы... не знаю... Эх-х!* (Беседы при ясной луне).

Связь главной части и придаточной условия осуществляется при помощи глагольной формы повелительного наклонения. Относительное употребление средств синтаксической связи расширяет трансформационные возможности предложения и усиливает динамику речи.

СПП с придаточным уступительным: *Хоть ты лопни, не заставишь его работать* (Наказ); *В школу он больше не пошел, как мать ни билась и чем только ни лупила* (Сураз).

Динамичность аналогичных конструкций обуславливается экспликацией недостаточности условия, а также импликацией реального, достаточного условия в глубинном подтексте.

Динамичность разговорного синтаксиса – характерная особенность рассказов В.М. Шукшина.

Библиографический список

1. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. Л.: Наука, 1978. 176 с.
2. Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. М.: ФЛИНТА, 2018. 577 с.
3. Краснова Е.А. Сочинительные конструкции в динамическом процессе их функционирования в идиостиле В.М. Шукшина (на материале рассказов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2011. 24 с.
4. Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис. М.: Наука, 1976. 396 с.
5. Ларионова А.Ю. Динамические языковые процессы: в помощь будущему редактору: учеб.-метод. пособие. Екатеринбург, 2018. 200 с.
6. Лекант П.А. Семантика членов предложения // Очерки по грамматике русского языка. М.: МГОУ, 2002.
7. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Изд-во АК наук СССР, 1960. 377 с.
8. Ширяев Е.Н. Основные синтаксические характеристики функциональных разновидностей современного русского языка // Русский язык и его функционирование: Уровни языка. М.: Наука, 1996. С. 181–203.

КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКА

ЭМОТИВНАЯ ЛЕКСИКА КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА ПЕРСОНАЖА

EMOTIVE VOCABULARY AS A MEANS OF CREATING A SPEECH PORTRAIT OF A CHARACTER

Е.В. Ермакова

E.V. Ermakova

Научный руководитель В.Н. Замыслова
Scientific adviser V.N. Zamyslova

Эмотивы, эмотивная лексика, речевой портрет, Колымские рассказы, речевой портрет персонажа, судьба человека.

В словесно-художественном творчестве речь персонажа выступает маркером его происхождения, социального статуса, отражает его характер, мысли, переживания, а также отношение к описываемым событиям, поэтому речевой портрет литературного героя является одним из ключевых параметров художественного образа.

Emotives, emotive vocabulary, speech portrait, Kolyma stories, speech portrait of a character, human destiny.

In verbal and artistic creativity, the speech of a character acts as a marker of his origin, social status, reflects his character, thoughts, experiences, as well as his attitude to the events described, therefore, the speech portrait of a literary hero is one of the key parameters of the artistic image.

Эмотивность – это языковая категория, которая представляет собой имманентное свойство языка, выражающее психическое или эмоциональное состояние и переживание человека [Бабенко, 1988]. Применение лингвистами и литературоведами в художественных произведениях эмотивной лексики становится все более актуальным. Язык литературных персонажей насыщается эмотивной лексикой для того, чтобы выразить чувства и эмоции. Такая лексика может иметь как положительную, так и отрицательную окраску. Лингвисты М.А. Лапыгин, Е.Н. Тихонова, А.Н. Тихонов, Г.С. Журавлева, Р.И. Хашимов, Л.В. Рацибурская относят к эмоциональной лексике слова, выражающие языковыми средствами эмоциональную окрашенность, бранные слова (*поганец*), междометия (*Ишь ты! Какой ужас!*). Е.М. Галкина-Федорук относит к эмоциональной лексике слова, которые являются обозначением переживаний, настроений, испытываемых чувств (*скотство, подлый, нежный*) [Галкина-Федорук, 1958].

Таким образом, под эмотивной лексикой в лингвистике понимается вся общность лексических средств, благодаря которым выражаются чувства и эмоции.

Эмотивное изображение персонажа находится в поле зрения многих исследователей, так как речевой портрет является одним из средств создания литературного образа. Несмотря на многообразие подходов, следует отметить, что одним из первых обратился к различным способам создания персонажа М.М. Бахтин. Он акцентирует внимание на манерах, походке, тембре голоса и выражении лица [Бахтин, 1986].

Основоположителем понятий речевого портрета личности стал М.В. Панов, который описал произношение ряда политических деятелей, ученых и писателей прошлого. В своей модели для создания фонетического портрета ученый опирался на социальные характеристики людей, такие как принадлежность к определенному социальному слою, наличие в речи диалектных особенностей, возраст, профессия и прочие [Панов, 1990].

О.А. Мальцева определяет портрет как одно из средств создания образа персонажа, заключающегося в описании его внешности и включающее психологическую характеристику отдельных частей внешности – черт лица, мимики, фигуры, поз, жестов, движений и одежды [Мальцева, 1986].

Таким образом, одним из самых важных моментов в характеристике речевого портрета является фиксация наиболее ярких элементов, а именно характеристика вербальных и невербальных средств общения.

Объектом исследования в данной статье являются языковые единицы, выражающие значение эмоций, как средство создания речевого портрета главного героя рассказа «На представку» из сборника «Колымские рассказы» В.Т. Шаламова.

Цель работы – определить значимость эмотивной лексики в создании речевого портрета персонажа.

Варлам Тихонович Шаламов, автор «Колымских рассказов», прошел через ГУЛАГ, отдав ему почти двадцать лет жизни. Свой нечеловеческий по жуткости опыт, прозванный самим автором «подземным», он воплотил в слове. Такое трудно, порой невозможно читать, особенно если вспомнить принципы гуманизма, заложенные в великую, русскую и советскую литературу, призванную воспитывать духовно и нравственно, формировать моральный облик советских граждан [Крячко, Инкин, 2014].

Рассмотрим эмотивную лексику как средство создания речевого портрета персонажа в «Колымских рассказах» на примере рассказа В.Т. Шаламова «На представку». Одним из центральных персонажей является Севочка, который становится участником «карточного поединка». Автор особое внимание уделяет описанию этого образа, потому что Севочка – блатной.

В.Т. Шаламов показывает, что блатным было все дозволено. Он дает Севочке следующую характеристику: знаменитый знаток классических карточных игр, приверженец соблюдения карточных правил. Севочка был настоящим **шулером**, который мог и обманывать соперника, и уличать его обман. Имел **непримечательную внешность**: грязные и даже липкие волосы светлых оттенков, подстриженные «под бокс», низкий лоб, на котором не было ни одной морщинки, желтые брови, рот, похожий на бантик. Руки его были грязными, пальцы – белыми, тонкими и нерабочими с «холеным» желтым ногтем, который поблескивал «драгоценным камнем».

Манера разговора его довольно **груба**: он «**процедил сквозь зубы**», «**твердо сказал**». Взгляд Севочки во время разговора с противником был наполнен «**бесконечным презрением**». В разговорах употреблял ругательные слов: «**Это – локш, дрянь**».

Севочка уважает карточных соперников, поэтому дает отыгаться своему сопернику – Наумову. Главного героя привлекает не выигрыш, а сам процесс игры. Несмотря на это, Севочка ценил все вещи, которые оказывались в его руках. Он имел большой фанерный чемодан, в который вкладывал выигранные предметы. На этот раз он выиграл костюм, подушку, одеяло, украинский рушник с петухами, портсигар с изображением Гоголя.

Когда Наумов больше ничего не мог поставить, он приказал Гаркунову отдать свои вещи. Севочка, завидя шерстяной свитер, «**одобрительно помахивал пальцем** – шерстяные вещи ценились. Если отдать выстирать фуфаечку да выпарить из нее вшей, можно и самому носить...». После того как Гаркунов отказывается отдавать свитер, дневальный Наумова убивает заключенного.

– Не могли что ли без этого! – **закричал Севочка**».

Этот герой как будто винит всех в случившемся, но на самом деле он просто расстроен из-за того, что товар слегка испорчен. На первый взгляд, герой против насилия. Однако следующий поступок говорит об обратном:

«Севочка **бережно**, чтобы не запачкать пальцев, сложил свитер в фанерный чемодан». Эта деталь демонстрирует, что насилие – это обыденное явление. Блатным, к которым относится и Севочка, все дозволено: «Теперь надо было искать другого партнера для пилки дров». Нет человека – на его место придет другой.

Таким образом, «Колымские рассказы» – это поиски нового выражения, а тем самым и нового содержания. Чувства и эмоции, передающиеся эмотивной лексикой (**непримечательный, шулер, кричал, процедил сквозь зубы, дрянь и др.**) помогают представить состояние и обстоятельства, в которые попадают герои произведений. Определение особенностей функционирования эмотивной лексики в тексте позволяет создать яркий, выразительный, характерный речевой портрет персонажа, примером тому служит представленный в статье образ главного героя из рассказа В.Т. Шаламова «На представку» – блатного Севочки.

Библиографический список

1. Бабенко Л.Г. Эмотивная лексика в структуре предложения // Классы слов в синтагматическом аспекте. Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1988. 145–156 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров; текст подгот. Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 445 с.
3. Галкина-Федорук Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Профессору Московского университета академику В.В. Виноградову: сб. ст. М.: Изд-во МГУ, 1958. 141 с.
4. Крячко В.Б., Инкин А.Н. Репрессированная лексика В. Шаламова // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2014. Т. 20. С. 371–375. URL: <http://e-koncept.ru/2014/54335.htm>
5. Мальцева О.А. Лингвостилистические особенности словесного художественного портрета в современном английском романе: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1986. 217 с.
6. Панов М.В., История русского литературного произношения XVIII–XX вв. / отв. ред. Д.Н. Шмелев; АН СССР, Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1990. 453 с.

ЭВФЕМИЗМЫ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ В РЕЧИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СМИ

MILITARY AND POLITICAL EUPHEMISMS IN MODERN RUSSIAN MASS MEDIA

А.А. Курделяс

A.A. Kurdelyas

Научный руководитель **А.Д. Васильев**
Scientific Adviser **A.D. Vasilev**

Эвфемизмы, СМИ, речевые стратегии, интерпретация, политический дискурс, интенции, двойные стандарты.

Цель настоящего исследования – проанализировать речевые стратегии эвфемизмов военно-политической тематики в газетных СМИ. Материалом исследования послужили статьи, опубликованные в 2020–2022 гг. в газетах «Известия», «Коммерсантъ». В работе использованы методы анализа и обобщения, анализа семантической структуры и интерпретации интенциональных стратегий рассматриваемых эвфемизмов. В результате исследования установлены основные факторы, способствующие применению эвфемизмов военно-политической тематики в текстах ряда современных печатных российских СМИ. Предложена интерпретация вероятной интенциональной направленности анализируемых лексических единиц.

Euphemisms, media, speech strategies, interpretation, political discourse, intentions, double standards.

The main idea of this article is to analyze the speech strategies of military-political euphemisms in the newspaper media. The material of the study is the articles published in 2020–2022. The used newspapers names are “Izvestia”, “Kommersant”. The methods of analysis and generalization, semantic structure analysis and intentional strategies interpretation of the considered euphemisms are taken. As a result of the study, the main factors contributing to the use of military-political euphemisms in the modern printed Russian media texts have been established. A probable intentional interpretation of the analyzed lexical units is proposed.

Политический дискурс, наряду с рекламным, в наибольшей степени приспособлен для того, чтобы приукрашивать действительность и скрывать истинное положение дел [Crystal, 1995, p. 177]. К числу системообразующих характеристик политического дискурса относится эвфемизация как одна из важнейших манипулятивных стратегий, при использовании которой внимание сосредоточено в зоне частичного искажения, связанного со смещением оценки денотата. Эвфемизмы как лексико-семантические единицы широко применяются в речи СМИ в роли значимых компонентов дискурса. Тексты массмедиа могут служить примером повседневного речеупотребления, а также принимают участие в процессах словотворчества. В сознании аудитории по-прежнему присутствуют внушавшиеся десятилетиями представления о СМИ как рупоре и непременном атрибуте высшей государственной власти, никогда не ошибающейся, обладающей истиной

в последней инстанции, поэтому и словоупотребление в СМИ зачастую еще воспринимается в качестве авторитетной нормы [Васильев, 2003, с. 5].

При исследовании эвфемизации речи важно понимать, что семантические параметры лексической замены напрямую зависят от речевой стратегии высказывания, то есть от его интенции. Следует также отметить, что задача интерпретации эвфемизмов имеет свои особенности, поскольку адресант не предупреждает аудиторию о том, что именно он «эвфемизирует», стремясь, однако транслировать и внушить аудитории именно его оценку упоминаемых фактов. «Обычно эвфемизируются наименования явлений, о которых напрямую говорить неудобно или стыдно, так как они представляют собой воплощение чего-то социально неприемлемого. Расшифровывая эвфемистическое высказывание и восстанавливая истинный денотат, мы одновременно расшифровываем и содержащуюся в нем импликацию (выводим констатацию подразумеваемых ценностей).

В настоящей работе рассматривается содержательная сторона военно-политических эвфемизмов, применяемых в текстах статей ряда современных русскоязычных газет в промежутке периода 2020–2022 гг. и анализируются речевые стратегии эвфемии. Для анализа семантического и интенционального содержания было отобрано 3 военно-политических эвфемизма, которые впоследствии были охарактеризованы согласно их количественному наполнению. Значения эвфемизмов интерпретированы при помощи лексикографических источников, посвященных эвфемизации речи. Были рассмотрены следующие эвфемизмы.

1. **Пацификация** – вместо расправа, усмирение карательными мерами, от лат. *pacificatio* – 'умиротворение'¹.

2. **Демаркация границы** – вл. возвращение территорий². Проведение государственной границы на местности с обозначением ее специальными пограничными знаками.

3. **Силы сдерживания / Стратегия сдерживания / Средства сдерживания / Меры сдерживания / Политика сдерживания** – Внушительный боевой потенциал как в сфере обычного, так и **ядерного** оружия (NRC(NUCL)D(2007)0001 (nato.int), с. 326). «...отчасти понятие “сдерживание” [*deterrence*] стало эвфемизмом для более широкой концепции принуждения, поскольку в нашей официальной терминологии “оборона” заменила такие слова, как “война” и “военный” [Shelling, 1966, p. 174].

Исходя из содержательного анализа исследуемых лексических единиц были выявлены следующие вероятные стратегии речевого воздействия.

Пацификация: «Пацификация рабочих на шахте “Вуек”» (Коммерсантъ, 26.05.2022). Использование данной лексической единицы направлено на переключение оценочного знака с отрицательного *расправа, подавление силой* на нейтральный *пацификация*. Целью подобного применения является попытка замаскировать совершение неправомерных и аморальных действий, чтобы избежать их общественного осуждения.

¹ Сеничкина Е.П. Эвфемизмы русского языка: спецкурс: учебное пособие. М.: Флинта, 2012. 121 с.

Демаркация границы: «Бишкек и Душанбе уже на протяжении многих лет не могут найти консенсус по поводу демаркации границы. В результате между военнослужащими обеих республик периодически происходят перестрелки» (Известия, 16.05.2022). Репрезентация событий сквозь призму эвфемизма мотивирована попыткой избежать потери лица, которая неизбежна при необходимости обнародовать факты, унижительные для престижа страны, такие как потеря союзников или утрата территорий. Необходимость идти на уступки снижает политический статус лидера, поэтому описываемая ситуация заменяется эвфемистическим сочетанием демаркация границы. «...не будем говорить о “возвращении” территорий, об “уступке” территорий, будем говорить о “демаркации границы”. Своего рода политическая анестезия. Чтобы не слишком больно было отдавать».

Силы сдерживания: «28 февраля, спустя четыре дня после начала военной операции на Украине, президент России Владимир Путин перевел силы стратегического сдерживания “в особый режим несения боевого дежурства”» (Коммерсантъ, 07.05.2022). Благодаря эвфемизму *силы стратегического сдерживания*, примененного вместо *готовность к использованию ядерного оружия*, снижается компонент остроты проблемы на политической арене. Стратегия речевого воздействия кроется в стремлении снятия общественной напряженности. В данном случае психологический аспект анализируемой функции эвфемии заключается в «нейтрализации защитной реакции со стороны аудитории по отношению к возможной угрозе» [Wodak, 1989, p. 143]. Необходимо отметить, что высокая частотность применения данного эвфемистического сочетания пришлась на период январь – апрель 2022 г. Интересно заметить, что в 2021 г. показатель использованной лексической единицы в сфере военных действий был ниже, чем в последующих годах, но было отмечено частое использование такого словосочетания именно в экономической сфере: *сдерживание цен* или *сдерживание тарифов, сдерживание инфляции*.

Следует сделать вывод о том, что одной из часто встречающихся задач эвфемистического переименования в большинстве случаев является размытие семантического компонента. В самом общем виде модель «улучшения» (плохое → хорошее) для военно-политического дискурса можно представить следующим образом (классификация по Шейгал): социальная проблема → решение проблемы или социальный конфликт → гармонизация, аморальное действие → благородный мотив (достойная цель), неблагоприятные последствия → уважительная причина, насильственность → естественный ход событий, глобальный характер проблемы → частный случай проблемы, мы-ответственность → они-ответственность, уничтожение человека → уничтожение неживого объекта [Шейгал, 2000, с. 259].

Военно-политические эвфемизмы обладают следующими чертами: представление объекта как менее опасного с целью снижения уровня тревожности у общества; камуфлирование неприятных фактов, попытка сделать их менее очевидными с целью подачи сложной и конфликтной ситуации как простой и естественной; попытка снятия ответственности за происходящее; отсутствие указания на конкретное лицо. Наиболее частой интенцией (речевой стратегией) эвфемизмов

в рассматриваемых примерах является вуалирование обозначаемой реалии, при котором размывается истинное значение слова. Применение данной стратегии позволяет снять психологическую напряженность во избежание паники аудитории или общественного осуждения.

Список источник

1. Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru>
2. Известия. URL: <https://www.iz.ru>

Библиографический список

1. Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире. Очерки новейшего словоупотребления. М.: Изд-во Флинта-Наука, 2003. 224 с. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=461013> (дата обращения: 23.08.2022).
2. Сеничкина Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта: Наука, 2008. 458 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24756276&ysclid=l4tl4ze0ly394074083> (дата обращения: 23.08.2022).
3. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: монография / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания, Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград: Перемена, 2000. 367 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19655426&ysclid=l4tl65l35h648228324> (дата обращения: 22.08.2022).
4. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge University Press, 1995. 489 p. URL: <https://www.livelib.ru/book/1001221494-the-cambridge-encyclopedia-of-the-english-language-david-crystal> (дата обращения: 21.08.2022).
5. Schelling T., Arms and Influence. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1966. P. 174–175. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004977342/?ysclid=l4tlagsysb879759547 (дата обращения: 25.08.2022).
6. Wodak R. The Power of Political Jargon // Language, Power and Ideology: Studies in Political Discourse. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publ. Co., 1989. P. 137–164. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Ruth-Wodak%3A-The-Discourse-of-Politics-in-Action%3A-as-Harman/41d6db7a39d61ffd1c2a64dec8d0b307f063e6ef> (дата обращения: 28.08.2022).

ПРИЧИНЫ ВВЕДЕНИЯ НЕАВТОРИЗОВАННОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПОДКАСТЫ

REASONS FOR INTRODUCING NON-AUTHORIZED INFORMATION IN PODCASTS

А.А. Осичкина

A.A. Osichkina

Научный руководитель **Е.В. Осетрова**
Scientific adviser **E.V. Osetrova**

Подкастинг, подкаст, медиaprостранство, СМИ, неавторизованная информация, коммуникация, радио.

Цель исследования – описание причин введения неавторизованной информации в контекст подкастов, расположенных в сети Интернет. Методами исследования являются контекстуальный анализ, а также обобщение и систематизация полученной информации с учетом идей коммуникативной лингвистики. В результате на фоне общего описания феномена подкаста как нового медиа выявлены и представлены пять причин использования неавторизованной информации в данном контексте.

Podcasting, podcast, media space, media, non-authorized information, communication, radio.

The purpose of the study is to describe the reasons for the introducing non-authorized information into the context of podcasts located on the Internet. The research methods are contextual analysis, as well as generalization and systematization of the information, taking into account the ideas of communicative linguistics. As a result, against the background of a general description of the podcast phenomenon as a new media, five reasons for the use of non-authorized information in this context are identified and presented.

Коммуникативный аспект является одним из основных при описании и анализе процессов, идущих в современном обществе и определяющихся взаимоотношениями в социальном коллективе. Коммуникация – это мощный инструмент, который позволяет устанавливать связи, управлять мнениями индивидуального и коллективного субъектов.

Одновременно с этим обмен информацией в наши дни достигает небывалых скорости, качества и объема, а человек становится все более взыскательным и свободным в выборе режима и формата получения информации, стремясь выйти из роли пассивного получателя информации в медиaprостранстве.

Традиционные средства массовой информации – газета, телевидение, радио, ввиду их жесткой формальной и содержательной регламентации, не дают адресату возможность увидеть событие изнутри, выстроить собственную индивидуальную позицию. Современные же пользователи медиа, по крайней мере, хотят чувствовать сопричастность в отношении к тем событиям, о которых рассказывает журналист, если не ощутить себя в роли их активного участника. Удовлетворению этого желания способствуют подкасты.

Подкастинг – относительно новое явление массовой коммуникации, рост популярности которого в России пришелся на период локдаунов.

Номинатив «подкаст» (*podcast*) этимологически связан с двумя лексемами – «iPod» (mp3-плеер «Apple») и «broadcast» (повсеместное широкоформатное вещание) [Дмитриев, Мещеряков, 2014, с. 194]. Понятие «подкаст» в широком обращении впервые введено английским журналистом Беном Хаммерсли в 2004 г., а уже с 2005 г. термин включен в Оксфордский словарь и определен как цифровая аудиозапись радиопередачи, находящаяся в Интернете в свободном доступе. Главная техническая особенность подкаста заключается в возможности отложенного прослушивания выбранной информации [Воинова, Сивякова, 2018, с. 107]. Коммуникативной же спецификой подкаста становится особый свободный режим общения: подкасты позволяют ведущим и гостям «полностью раскрепоститься, рассказать историю, не ограничивая себя форматом радио» [Витвинчук, Лаврищева, 2019, с. 544].

Если в 2019 г. в России жанр подкаста был еще не вполне сформирован, в то время как зарубежные подкасты развили к тому моменту разнородные характеристики, тематику и направленность вещания и, как следствие, имели большое число подписчиков [Витвинчук, Лаврищева, 2019, с. 544], то сегодня российский подкастинг характеризуется большой содержательной разнородностью. Сервис «Яндекс Музыка» предлагает, в частности, широкий спектр подкастинформации – новостной, юмористической, детской, образовательной, исторической и т.д., отслеживая ее рейтинг в «Чарте подкастов»; так, среди новостных подкастов на первом месте стоят «Самые честные новости» с Артемием Лебедевым и 79 674 подписчиками. Имеются и другие сервисы, на которых выкладываются подкасты, расширяющие общую аудиторию слушателей этого медиа.

Несмотря на новый формат и нетипичный режим распространения – отсутствие заранее установленного временного режима вещания, – организаторы новостных подкастов применяют многие языковые инструменты, присущие традиционным форматам медиаконтента. Одним из таких средств является, по Е.В. Осетровой, использование неавторизованной информации, то есть формирование контекста без «привязки» его к определенному источнику, уход от конкретного автора или его полная анонимность [Осетрова 2010, 15, с. 21]. (Заметим в скобках, что понятие «неавторизованная информация», разработанное на основании идей Н.Д. Арутюновой, Н.Ю. Шведовой, А.В. Бондарко, связано с языковыми категориями авторизации, эвиденциальности и «чуждости».)

Маркерами такого высказывания являются выражения *как говорят, по слухам, как мне сказали, как нам сообщили, по информации* и т.п., а его использование дает возможность отграничить свою позицию от позиции иного источника, повысить степень доверия к информации через отсылку на мнение большинства или экспертное мнение или, напротив, активировать критическую оценку сообщаемого.

Перейдем к рассмотрению причин, обуславливающих введение неавторизованной информации в тексты подкастов и выделенных в процессе анализа новостных подкастов. Данная классификация включает пять содержательных пунктов.

1. **Соккрытие личности информирующего субъекта**, нежелание раскрывать источник сообщения могут быть обусловлены рядом субъективных и объективных обстоятельств. Так, приведенный ниже пример демонстрирует, что использование/неиспользование имени лица для маркирования источника сообщения связано с определенным регламентом, задаваемым профессиональной журналистской этикой: до введения в контекст ссылки на конкретного автора как источника информации необходимо получить его разрешение: *Интервью с ним мне согласовало МВД России, то есть я делала официальный запрос. Без официального запроса сотрудники не общаются, то есть за редким исключением они могут с тобой пообщаться анонимно, вот, но, если ты хочешь атрибутировать слова конкретному человеку, тебе нужно взять разрешение, ну, просто без разрешения они говорить не будут* (подкаст «Короче», выпуск «САША СУЛИМ: Ангарский маньяк и Кэрри Брэдшоу»).

2. **Стремление уйти от ответственности за информацию**, в точности и достоверности которой говорящий не уверен, видно в примере: *Но я слышал, что у вашего конфликта с Наташей фундаментальные разногласия о пути* (подкаст «Короче», выпуск «ВЕРА КРИЧЕВСКАЯ: телевидение 90-х»).

Правомерность выделения названной выше причины подтверждает, кроме того, профессиональная метарефлексия; см. в этой связи комментарий ведущего подкаста, обсуждающего достоверность информации в массмедиа и сопровождающего это явным оценочным суждением:

Увы, человек – существо несовершенное, и далеко не вся информация, которую он передает, является истинной (подкаст «Осторожно: утро!», выпуск «10 января. Дельтакрон, задержанный музыкант и кот за 9,5 млн рублей»).

3. **Увеличение степени доверия к информации** через отсылку к групповому авторитетному экспертному мнению и поднятие ее статуса, поскольку эксперты априори владеют «точной», «достоверной» информацией: *Как бы то ни было, в настоящий момент нам известно о 164 погибших. Это официальная информация* (подкаст «Осторожно: утро!», выпуск «10 января. Дельтакрон, задержанный музыкант и кот за 9,5 млн рублей»).

4. **Увеличение степени доверия к информации** через отсылку к мнению большинства и увеличение ее популяризации достигается с помощью маркеров: *«(многие) удивляются / считают, (некоторые) говорят / (люди) говорят. Например: Очень хорошая погода. Кругом море, свежий воздух. Говорят, на море как бы обстановка она всегда лучше* (подкаст «КОРОЧЕ», выпуск «Все о Евро-2020: говорим с Георгием Черданцевым»).

5. **Демонстрация спектра мнений** в отношении какого-либо факта/события/ситуации и демонстрация **объективности** в изложении информации. См. примеры: *Российский бизнес попросил правительство смягчить проверки импортных фруктов и овощей. Как пишет «Коммерсантъ» [авторизованная информация], в письме вице-премьеру Белоусову от Ассоциации компании розничной торговли говорится, что текущий контроль грозит ростом цен и дефицитом.*

В Роспотребнадзоре же говорят [неавторизованная информация], что проверки необходимы для безопасности потребителей, а процесс оформления партий уже оптимизирован (подкаст «Первым делом», выпуск «Первым делом 16.02.22»). Ну лично я не берусь там ставить диагноз системе МВД, но, исходя из того, что я слышу, общаясь с различными там оперативниками, сотрудниками МВД [неавторизованная информация] о различных делах и читая о каких-то подобных случаях у коллег [неавторизованная информация], я понимаю [авторизованная информация], что, действительно, есть проблема, которая заключается в следующем, что сотрудники МВД, оперативники, попросту говоря, настолько загружены ежедневной работой, повседневной, которая... вот, каждый день совершается какое-то количество преступлений, и они должны их разгрести (подкаст «Короче», выпуск «САША СУЛИМ: Ангарский маньяк и Кэрри Брэдшоу»).

В целом субъект совмещает в своем восприятии разнообразные потоки информации, которые в разной степени удовлетворяют признакам достоверности и правомерности. Современные медиа, в том числе и подкасты, широко используют неавторизованную информацию, что помогает скрыть личность информирующего субъекта, снять с себя ответственность за возможную недостоверность информации, продемонстрировать объективность через введение множества точек зрения, увеличить показатель экспертной авторитетности, в конце концов, «сыграть» на популярности мнения большинства.

Библиографический список

1. Витвинчук В.В., Лаврищева М.С. Особенности российских подкастов // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 5 (78). С. 544–546.
2. Воинова Е.А., Сивякова Е.В. Подкаст как новый формат публичной коммуникации в условиях цифровой медиасреды // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 12. С. 104–120.
3. Дмитриев Д.В., Мещеряков А.С. Подкасты как инновационное средство обучения английскому языку в вузе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 3 (31). С. 192–199.
4. Осетрова Е.В. Неавторизованная информация в современной коммуникативной среде: речеведческий аспект: дис. ... д-ра филол. наук. Красноярск, 2010. 413 с.

СПОЙЛЕР КАК РЕЧЕВОЙ ЖАНР: ФАКТОРЫ АВТОРА И АДРЕСАТА

SPOILER AS A SPEECH GENRE: FACTORS OF “AUTHOR” AND “ADDRESSEE”

У.В. Сквородкина

U.V. Skovorodkina

Научный руководитель **Е.В. Осетрова**
Scientific adviser **E.V. Osetrova**

Спойлер, речевой жанр, информативный жанр, автор, адресат.

Статья посвящена жанру «спойлер» и его содержанию с учетом факторов автора и адресата. Для анализа и описания данного феномена были использованы записи русской повседневной речи, а также интернет-тексты, по большей части извлеченные из современного контекста социальных сетей. Значимость данного исследования заключается в необходимости изучения и понимания социально-коммуникативного опыта новых поколений, во многом отличающегося от традиционной коммуникативной практики.

Spoiler, speech genre, informative genre, author, addressee.

The article is devoted to the genre of “spoiler” and its content taking into account the factors of the author and the addressee. To analyze and describe this phenomenon, recordings of Russian everyday speech were used, as well as Internet texts, mostly extracted from the modern context of social networks. The significance of this study lies in the need to study and understand the social and communicative experience of new generations, which is very different from traditional communicative practices.

Список речевых жанров, который демонстрирует непрерывность общения, постоянно пополняется. Современная социально-речевая действительность дает обширные возможности носителям языка формулировать очередные цели коммуникации, реагируя на конкретные ситуации.

Современные авторы регулярно пополняют список речевых жанров новыми номинациями, каждой из которых соответствует содержательная дефиниция речевого явления и его детальный иллюстративный анализ: «предсказание» [Карасик, 2018], «автограф на книге» [Евсеева, 2017], «интернет-рейтинг» [Дементьев, 2021] и др.

Интернет – обширное поле для поиска новых речевых феноменов, в границах которого изменяются существующие в реальной коммуникации речевые формы, а также возникают и распространяются виды, новые способы и жанры коммуникации. В.В. Дементьев отмечает, что «изучать языковые особенности интернет-коммуникации без учета особенностей жанра, пожалуй, невозможно, и попытки изучать их независимо от жанров вызывают» вполне справедливые критические замечания» [Дементьев, 2022, с. 12].

Спойлер – речевой феномен, который первоначально был оформлен в медийном пространстве и интернет-среде, а затем, расширив свое коммуникативное поле, стал использоваться и в повседневном общении.

Появление в русском языке иноязычной лексемы *спойлер* связано с заимствованием английского существительного *spoiler*, которое образовано от глагола *to spoil* со значением «портить, испортить, губить». В исходной трактовке, основанной на опыте и практике субъектов медиакommunikации, *спойлер* обозначает важную информацию о фрагменте/детали сюжета, часто о неожиданной концовке кинопроизведения, которая обычно не публикуется и которую раскрыли зрителю преждевременно¹.

Целью данного исследования является определение статуса и речевого содержания спойлера, а также анализ его жанрообразующих факторов – «автора» и «адресата».

В качестве материала для анализа использованы записи повседневной речи Красноярска из архива авторов статьи, интернет-тексты, извлеченные из современного контекста социальных сетей и других информационных ресурсов Интернета в 2021–2022 гг.

Обработка и структурирование языкового материала проведены с учетом методов сплошной выборки, сопоставительного и сравнительного анализа, дескриптивного метода, а также метода лингвопрагматического анализа. В качестве главной научной опоры выбран метод пофакторного жанрового анализа Т.В. Шмелевой, предлагающей, типологию речевых высказываний на основе их целеполагания, а также «анкету речевых жанров»: коммуникативная цель; образ автора; образ адресата; фактор прошлого; фактор будущего; диктум; формальная организация высказывания [Шмелева, 1997].

В XXI в. спойлер осваивает широкое коммуникативное пространство и формирует типичный критический модус. Спойлер разрушает саспенс как потребность пережить тревожное ожидание, которое предвкушает адресат художественного произведения и которое представляет для него некую эмоциональную ценность.

Спойлер является одним из способов воздействия автора на актуальное состояние и восприятие адресата, что доказывает наличие коммуникативной составляющей данного явления.

В качестве первоосновы спойлера служат не только художественные фильмы, сериалы, произведения художественной литературы, но и спектакли, видеоигры и т.п., которые имеют ту же сюжетную основу, что и кино.

Однако носители языка расширяют подобное понимание феномена. В данном случае спойлером называют нежелательный пересказ события реальной действительности, характеризующегося некоторой более или менее осознаваемой

¹ Спойлер [Электронный ресурс]. URL: <https://www.culture.ru/s/slovo-dnya/spoyler/> (дата обращения: 21.12.2021).

спецификой (праздничной, таинственной и т.п.), прогнозируемого участником, свидетелем либо избранным поверенным, в пересказе которого (с правом «узнать об этом первым») может оказаться конкретный адресат. Имеется в виду, например, не сохраненный в секрете ключевой момент предстоящей свадьбы и т.д.

Анализ факторов автора и адресата показывает, что каждый из них владеет «вводными данными» о явлении-каузаторе спойлера, будучи знаком с названием творческого произведения / сутью упоминаемого события; их типовой (жанровой) принадлежностью; с временной и пространственной координатами, в границах которых разворачивается сюжетная линия.

Сценарий соответствующего жанра составляется из нескольких этапов, которые по-разному реализуются в каждой конкретной ситуации и часто оформлены как речевая рефлексия:

– «общее информирование» как фоновый пересказ сюжета: **Расскажу парочку моментов** про сюжет манги, но там много всего классного (фрагмент бытового диалога; речь Красноярска);

– «информирование» как реализация спойлера: Ну конечно **расскажу: Рейтан не просто так выглядит шикарным. Он бог!** (фрагмент бытового диалога; речь Красноярска); Короче, **рассказываю по порядку: у него не получится спасти ее** (ВКонтакте. 04.09.2022);

– «профилактика» как предупреждение о готовности реализовать спойлер: **Сейчас спойлер будет!** (фрагмент бытового диалога; речь Красноярска); **Хотите спойлер?** (фрагмент бытового диалога; речь Красноярска);

– «самоограничение» как фиксирование отказа от реализации спойлера; например: **Не буду спойлерить, что там произошло дальше** (фрагмент бытового диалога; речь Красноярска); **Спойлерить не буду, но в конце будет жесть** (фрагмент бытового диалога; речь Красноярска);

– «жанровая рефлексия» как определение типа речевого действия: **Рассказывать подробно – значит «спойлерить» этот труд** (ВКонтакте. 23.05.2022).

Адресат демонстрирует достаточно высокую степень рефлексии:

– «условие» как предупреждение референта о нежелательности реализации спойлера: – **Я буду смотреть [фильм] ... Но если ты не будешь спойлерить мне тут** (фрагмент бытового диалога; речь Красноярска);

– «просьба» как «мягкий» посыл референту отказаться от реализации спойлера: **Я знаю, что это очень интересная книга, но, плиз, не рассказывай мне, что там дальше!** (фрагмент бытового диалога; речь Красноярска);

– «требование» как «жесткий» посыл референту отказаться от реализации спойлера: – **Ты смотрела «Железного человека»? Он... – Нет, не спойлери!** (фрагмент бытового диалога; речь Красноярска).

Отличительными особенностями жанра являются его нормативная экспрессия и оценочность. Субъект может положительно либо критично отнестись к предварительному раскрытию сюжета, квалифицировав последнее как нежелательную информацию.

Агрессивная оценка

Терпеть не могу спойлеры и тех, кто заранее раскрывает важные моменты. Зачем? Это глупо. И тут дело не в том, что потом смотреть неинтересно (ведь многие пересматривают картины любимые, зная наизусть все), просто хочется самому узнать, кто убийца, кто есть кто, что случилось и т.д. (Лаборатория Фантастики. 27.11.2015).

Отрицательная оценка

Негативно. Я вообще сторонник того, что каждый должен сам открывать для себя историю, даже в мелочках, в которых, как известно, часто истина и кроется. У меня не раз был случай, когда я не стала приобретать книги, потому что случайно взгляд зацепился за спойлер, это неинтересно. Знаю многих людей, которые спойлеры даже любят, но я понять таковых не могу, для меня «вкус» теряется сразу, ибо впечатления смазываются (Author. Today. 17.06.2022).

Нейтральная оценка

Лично мне спойлеры не особо мешают. Больше всего я ценю в произведениях общий смысл (DFT. 02.05.2018).

Положительная оценка

Нормально. Иногда сам их прошу, ибо нет времени следить за сюжетом или невтерпеж узнать, шож там будет (ВКонтакте. 27.12.2021). Меня спойлеры даже сильнее привлекают, чем простые отзывы: одно дело узнать про какую-то ситуацию в тексте, другое – понять, как до нее дело дошло. Мы ведь читаем уже читанные книги, и нам не мешает, что мы знаем конец (Author. Today. 18.06.2022).

В общем, спойлеры могут вызывать целый набор ответных эмоциональных реакций – от агрессивной до положительной, что говорит, во-первых, о разнообразии восприятия обсуждаемого феномена, а во-вторых, о коммуникативной свободе субъектов речевого взаимодействия.

С лингвистической точки зрения спойлер – это речевой жанр информативного типа, поскольку исходно он представляет сообщение о важном фрагменте/детали некоего сюжета, раскрываемых преждевременно и, по общепринятому мнению, нежелательных для адресата, теряющего вследствие этого интерес к дальнейшему восприятию: а) произведения творческого характера; как более редкий вариант – б) события реальной действительности, характеризующегося некоей «антирутинной» спецификой (праздничной, таинственной и т.п.). Причина потери такого интереса связана с разрушением предвкушаемой интриги, не дающим субъекту пережить ее самостоятельно, в полной мере и в запланированное время.

Анализ факторов автора и адресата с учетом временной характеристики позволяет утверждать, что о возникновении и реализации жанра спойлера можно говорить: а) когда автор прямо маркирует жанровую принадлежность высказывания – «на входе в тему»; если же первого не происходит, б) когда соответствующая жанровая маркировка производится уже адресатом – «в развитие темы». В ином случае мы имеем дело с обычным пересказом сюжета.

В большинстве случаев данный речевой жанр стартует как инициативный акт в авторском исполнении, однако может оформляться и в границах реактивного высказывания, когда заинтересованный адресат делает запрос на специфическую информацию такого рода.

Спойлер массово используется в Интернете, пространстве социальных сетей, устной коммуникации, как выделенный элемент включается в статьи и рецензии на фильмы, сериалы, спектакли или книги.

Библиографический список

1. Дементьев В.В. Снова о «жанрах речи и языке речи»: что дала жанроведению лингвистика? // Жанры речи. 2022. № 1 (33). С. 6–20.
2. Дементьев В.В. ‘п самых...’: интернет-рейтинг как речевой жанр // Жанры речи. 2021. № 3 (31). С. 226–244.
3. Евсева И.В. Речевой жанр «автограф автора на книге» // Жанры речи. 2017. № 1 (15). С. 58–65.
4. Карасик В.И. Предсказание как речевой жанр // Жанры речи. 2018. № 1 (17). С. 39–47.
5. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. 1997. № 1. С. 88–99.

КИТАЙ КАК ДЕЙСТВУЮЩИЙ СУБЪЕКТ В ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ПАНДЕМИИ (на материале российских медиатекстов)

CHINA AS AN ACTOR
IN THE CIRCUMSTANCES OF THE PANDEMIC
(By the material of russian media texts)

Чжан Юнсян

Zhang Yongxiang

Научный руководитель **Е.В. Осетрова**
Scientific adviser **E.V. Osetrova**

Семантика, языковая ситуация, языковая роль, медиатексты, Китай.

Статья посвящена анализу *Китая* как языкового участника ситуации «Пандемия», отраженной в российских СМИ. Цель работы – определить типологию языковых ролей, в которых *Китай* представлен в границах названной ситуации. Методологическая основа исследования базируется на положениях семантического синтаксиса, в границах которых использованы универсальные методы анализа и синтеза, сравнительно-сопоставительный метод, а также собственно семантический анализ текста. В результате в медиатекстах, посвященных пандемии коронавируса, выявлены шесть актантных ролей *Китая*, большинство из которых представляют его в медиатекстах как активно действующий субъект.

Semantics, language situation, language role, media texts, China.

The article is devoted to the analysis of *China* as a linguistic participant in the “Pandemic” situation described in the Russian media. The aim of the work is to identify the typology of language roles in which *China* is represented in this situation. The methodological basis of the study is based on the provisions of semantic syntax, within which universal methods of analysis and synthesis, the comparative method, as well as the semantic analysis of the text are used. As a result, six actant roles of *China* have been identified in media texts on the coronavirus pandemic, most of which present it in media texts as an active subject.

Данное исследование посвящено анализу *Китая* как языкового участника ситуации «Пандемия», отраженной в российских СМИ. Цель работы – определить типологию языковых ролей, в которых *Китай* представлен в границах названной ситуации.

Методологическая основа исследования базируется на положениях семантического синтаксиса, в границах которых использованы универсальные методы анализа и синтеза, сравнительно-сопоставительный метод, а также собственно семантический анализ текста [Шмелева, 1994]. Материалом анализа стали статьи, опубликованные в Интернете изданиями «Комсомольская правда», «LIFE», «РБК», «Газета.ру», «Росконгресс», РИА «Новости» в марте – августе 2020 г.

Семантико-языковое исследование *Китая* как концепта в последнее время ведется лингвистами достаточно активно [Му Юйси 2022; Чэн Юйсяо 2020], что доказывает не только его научный потенциал, но и участие в формировании современной медиакартины мира.

Главный аспект, с учетом которого произведен данный анализ, – это «ролевой» аспект, то есть автора исследования *Китай* интересует в первую очередь как языковой участник глобальной языковой ситуации «Пандемия». В выделенных фрагментах, ее описывающих, *Китай* участвует в целом ряде более частных языковых ситуаций. Задачи исследования – определить: 1) какие семантические (содержательные) роли *Китай* играет в данных языковых обстоятельствах и какие действия ему приписывают; 2) через какие глаголы его действия выражаются; 3) какая оценка его сопровождает.

В результате анализа выделены несколько семантических ролей, которые приписаны *Китаю* в медийных описаниях и использование которых прокомментировано далее.

Одной из наиболее заметных оказывается роль **агенса** – главного участника ситуации: *Китай эффективно исправил свои ошибки; Китай же пытается минимизировать репутационные издержки.*

Она оформляется именительным падежом существительного и уточняется через значения глаголов активного действия.

Другой ролью будет роль **бенефициента** как участника, испытывающего положительные или отрицательные последствия в результате ситуации. Примеры показывают, что в текстах о пандемии используются обе разновидности этой роли.

В примере *...успешные показатели Китая Китай* описан имеющим экономическую выгоду в период пандемии, то есть как бенефициент-«выгодоприобретатель».

В других же примерах: *Больше всего формальных потерь понесет Китай; Китай близок к поражению, если только уже не проиграл,* – *Китай* оформлен как бенефициент, который, напротив, несет потери от наступающей пандемии. Поскольку данный участник в этом случае представлен как тот, кто получает ущерб, его можно назвать «ущемленным» бенефициентом.

Довольно часто *Китай* ставится на роль **локатива**, которая является второстепенной в классификации семантических ролей, обозначая обстоятельство места: *В Китае приложения и телефонные сети следили за тем, встречался ли человек с зараженными.*

Однако эта роль (предложный падеж – *в Китае*) оказывается только формальной ролью, то есть ролевой «маской». Ближний контекст примера, представленного выше, показывает, что автор на самом деле соотносит здесь *Китай* с тем же агенсом. Точнее, *Китай* – это **властный субъект**, который активно контролирует ситуацию и выражен лексемами *правительство* и *государство*: *практически все правительства вводят определенные требования к населению, чтобы остановить пандемию. Но добиваться их выполнения можно по-разному, например – обещать неизбежное наказание от всевидящего государства.*

Две следующие языковые роли, в которых можно наблюдать данного участника, противоположны по значению.

Так, *Китай* регулярно описывается как **контрагенс** по отношению к другим участникам событий пандемии одного с ним статуса. Эти участники – другие государственные субъекты, соперничающие, враждующие, воюющие с *Китаем*, а оформлены они через имена собственные – названия государств; см. пример: *Система международных отношений рухнула еще до эпидемиологической угрозы, поэтому ее придется выстраивать заново в любом случае. Это будет зависеть от того, насколько долго США и Китай будут имитировать торговую войну и какие у них планы на весь остальной мир.*

Противоположной по смыслу оказывается роль **коагенса**, которая представляет ситуацию, когда участники становятся **соучастниками**, союзниками, действуя для достижения общих целей; ср. с предыдущим примером: *США, Китай, а также Россия в будущем могут сыграть решающую роль в восстановлении международного порядка после того, как страны справятся со вспышкой коронавируса...*

Однако эта функция «союзника» очень подвижна, неустойчива и в границах одного фрагмента может переходить в роль контрагенса, как в показанном примере: *...Однако сотрудничество Вашингтона, Пекина и Москвы будет осложнено все большим ослаблением доверия между ними, а также повышением роли идеологических убеждений в структуре оценки действий своих оппонентов.*

Завершая выявленную классификацию, назовем еще одну семантическую роль – *Китай* как **объект характеристики**. Главная семантическая задача в данном случае – присоединить к *Китаю* ту или иную оценку, которая в проанализированных текстах чаще будет положительной; ср. несколько фрагментов:

Больше всего формальных потерь понесет Китай. Просто потому, что это – «мастерская мира»;

...никто не ожидал, что страна [Китай] станет сверхдержавой «мягкой силы»; Китай успешно закрепил за собой статус экономической и технологической сверхдержавы;

Китай эффективно исправил свои ошибки и вышел победителем.

Интересно, что авторы текстов часто дают комплексную оценку, и тогда одинаковая оценка приписывается сразу нескольким «государствам»-участникам: *Эти три страны [США, Китай, Россия] являются в наше время не только самыми мощными в стратегическом, военном, а в случае двух из них еще и в экономическом отношении... они настроены на «создание правил».*

В итоге нужно сделать вывод о том, что медиа формирует особое представление о реальном положении дел.

Китай как участник ситуации «Пандемия» занимает заметное место в границах данной языковой модели. Он представлен набором из шести типичных семантических ролей, которые медийное сознание приписывает этому «государственному» субъекту и которые существенно **различаются** по содержанию: агенс, коагенс, контрагенс; бенефициент, локатив, объект характеристики.

Одновременно с этим видны и **объединяющие** перечисленные ролевые функции закономерности:

– каждое использование *Китая* в той или иной роли сопровождается оценкой, причем скорее положительной;

– очевидно использование парных ролей, противоположных по своему содержанию; сравните: а) коагенс – контрагенс; б) бенефициент-«выгодоприобретатель» – «ущемленный» бенефициент;

– кроме того, *Китай* никогда не описывается автономно, а представлен как групповой участник, действующий и оцениваемый комплексно, с другими «государственными» субъектами. В большинстве случаев это *США, Европа и Россия*.

Список источников

1. Комсомольская правда. URL: <https://www.kp.ru/daily/27107/4183312/> (дата обращения: 20.12.2021).
2. Комсомольская правда. URL: <https://www.kp.ru/daily/27107.5/4182067/> (дата обращения: 28.12.2021).
3. Комсомольская правда. URL: <https://www.kp.ru/daily/27107/4183109/> (дата обращения: 21.12.2021).
4. Газета.Ru. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/04/26_a_13063171.shtml (дата обращения: 17.11.2021).
5. РБК Тренды. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/5e9578d99a79471c4be1489e> (дата обращения: 20.10.2020).
6. РБК Тренды. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/5ecbb0b99a79471c99221ca2> (дата обращения: 02.11.2021).

Библиографический список

1. Му Юйси. Медиаобраз Китая в текстах русскоязычных блогов об искусстве (коммуникативно-прагматический и медиалингвистический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Томск, 2022. 23 с.
2. Чэн Юйсяо. Образ Китая в российских СМИ: лингвокогнитивный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2020. 24 с.
3. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: текст лекций. Красноярск, 1994. 48 с.

ЭКСПРЕССИВНО-ОЦЕНОЧНЫЙ ПЛАН В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ТЕКСТАХ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

EXPRESSIVE-EVALUATIVE PLAN IN POPULAR SCIENCE TEXTS ABOUT THE RUSSIAN LANGUAGE

К.Н. Шахура

K.N. Shakhura

Научный руководитель **Е.В. Осетрова**
Scientific adviser **E.V. Osetrova**

Научно-популярные тексты, позитивная оценка, негативная оценка, экспрессия, восклицание, стилистически окрашенная лексика.

Статья посвящена исследованию экспрессивно-оценочного плана в научно-популярных текстах о русском языке на материале книг В.А. Плуногяна «Почему языки такие разные» и Ю.Л. Воротникова «Слова и время». Цель работы заключается в экспликации языковых элементов категории оценочности в научно-популярных текстах о русском языке. Методологическая основа исследования включает универсальные способы научной работы: анализ и синтез, сравнительно-сопоставительный метод, обобщение и систематизация полученной информации, а также контекстуальный анализ с элементами семантического анализа. В результате лингвистического анализа выявлены элементы экспликации категории оценочности, с помощью которых автор-популяризатор выражает свое отношение к предмету сообщения в тексте, проявляя себя как эмоционального субъекта, не равнодушного к профессиональным объектам – языку и речи.

Popular science texts, positive assessment, negative assessment, expression, exclamation, stylistically colored vocabulary.

The article is devoted to the study of the expressive assessment plan in popular science texts about the Russian language based on the material of V. Plungyan's books "Why Languages Are So Different" and Yu. Vorotnikov "Words and Time". The purpose of the work is to explicate the linguistic elements of the category of evaluativeness in popular scientific texts about the Russian language. The methodological basis of the research includes universal methods of scientific work: analysis and synthesis, comparative method, generalization and systematization of the information received, as well as contextual analysis with elements of semantic analysis. As a result of the work, the elements of explication of the category of evaluativeness are revealed, with the help of which the author-popularizer expresses his attitude to the subject of the message in the text, in which he manifests himself as an emotional subject, not indifferent to professional objects – language and speech.

Материалом проведенного исследования стали две научно-популярные книги – «Почему языки такие разные» В.А. Плуногяна и «Слова и время» Ю.Л. Воротникова. Широкое поле научного интереса здесь составляют все фрагменты, в которых проявляется авторское начало известных лингвистов-популяризаторов; в более же узкий фокус внимания помещена категория оценочности – с целью продемонстрировать, как она проявляется сама по себе и как формирует экспрессивно-оценочный план рассуждений о языке в целом.

При этом важно отметить, что анализируемая категория в силу своей сложности и многоплановости имеет большой арсенал способов выражения, давая возможность пользоваться широким выбором оценочных слов [Шкуропацкая, 2014].

Последовательно рассмотрим отражение экспрессивно-оценочного плана в двух обозначенных научно-популярных текстах, начав с общего замечания о том, что оценочный план высказывания отражает некую связь автора с объектом речи, иными словами, отношение к предмету сообщения.

Содержательно оценка часто основывается на фоновых представлениях автора о «хорошем» и «плохом» и, таким образом, как будто отсылает к некоему объективному, групповому представлению о положительном и отрицательном. Иными словами, это не только частная оценка автора, но и оценка социального коллектива.

Позиция В.А. Плунгяна в книге «Почему языки такие разные» [Плунгян, 2017] в этом отношении не является исключением: лингвист регулярно прибегает к оценке, во многих случаях к положительной; см. пример, где объектом оценки становится характеристика речи: *Вежливость – это как раз такой замечательный способ общения, где всегда лучше пересолить, чем недосолить.*

Если же объектом лингвистического анализа ученого-популяризатора становятся собственно языковые единицы – слова, то оценка может обходиться и без отдельной квалификативной позиции (как в примере выше – прилагательное *замечательный*), поскольку она зафиксирована в семантике самого слова. Так происходит, например, когда автор рассуждает о словах с высокой положительной оценкой: *...одним из слов «офенского языка» было хорошо знакомое теперь многим «кле-вый», «отличный, замечательный»; ...слова «отличный» или «здоровенный» скорее всего встретятся в речи мужчины, а какое-нибудь «прелестный» или «безумно очаровательный» мы почти наверняка услышим только от женщины.*

Иногда автор использует формы «усиления» или «снижения» качества оценки, в частности, наречие *очень*, обозначающее высокую степень проявления какого-либо признака (качества): *Он был специалистом по русскому языку и знал русский язык очень хорошо; ...ударение играет очень важную роль для правильного произношения слов и восприятия их на слух. Употребление с этим же наречием частицы *не* смягчает отрицательную оценку: *Опять-таки лингвисты пока не очень хорошо понимают, почему так происходит.**

«Хорошо – плохо» у В.А. Плунгяна регулярно профессионализируется, преобразовываясь в оценку «правильно – неправильно», поскольку он как лингвист имеет в виду прежде всего языковую норму. Часто в тексте выражается относительное оценивание с точки зрения «правильности»: *...иначе получится не-правильное произношение или просто совсем другое слово...; ... (я уж не говорю о том, чтобы это была правильная или тем более красивая русская фраза!): Все, что вы сказали, будет правильно.*

Обобщая данную часть наблюдений, отметим, что в тексте В.А. Плунгяна положительная авторская оценка, причем часто интенсивная, явно преобладает над отрицательной. При этом она профессионализируется и регулярно трансфор-

мируется в оценку с позиций языковой нормы: «норма – хорошо», «отступление от нормы – проявление проблемы» (*правильно – неправильно*). Что касается языковых форм, то оценка преимущественно выражается через прилагательные и наречия, а также существительные с оценочной семантикой.

В книге Ю.Л. Воротникова «Слова и время» [Воротников, 2019] как база, формирующая оценочный план, используется уже не столько условная шкала «хорошо – плохо» (как в научно-популярном тексте В. Плунгяна), а эмоционально-экспрессивное, в существенной степени субъективированное отношение автора к предмету сообщения.

Прежде всего, нельзя не отметить изобилие восклицательных предложений в тексте, передающих сильные эмоции автора, главная задача которых, по мнению Л.А. Пиотровской, «состоит в том, чтобы выразить их собеседнику, а не просто сообщить партнеру о каком-то событии» [Пиотровская, 2005, с. 106]; см. примеры: *Да, последние инвективы в мой адрес датированы числом – прямо за день до моего дня рождения!!!; Ведь можем без заимствований, когда хотим!; Но конференция-то – для наших московских школьников, а еще и в здании Российской академии наук!; «Во дает»! А теперь! Ну, мат, ну и что?;* и др. Для этого, как видно, используются экспрессивные синтаксические конструкции и устойчивые словосочетания.

Автор не скрывает своих чувств и состояний, выражая их при помощи безличных конструкций с оценочными предикатами, описывающими эмоциональное отношение: *И вот что радует – ведь слова-то наши, родные!; Но что меня особо раздражает в последние годы...; Смешно, не правда ли?;* и др.

Оценочные компоненты в тексте часто эксплицируют эмоционально-экспрессивное отношение с отрицательным посылом: *За последние десять лет с заимствованиями, конечно, просто беда; А собаку съел – и опытным, знающим стал – непонятно, нелогично, нелепо, да просто чушь собачья!;* и др.

Использование автором научно-популярной книги разговорной и просторечной стилистически окрашенной лексики и фразеологических оборотов сближает автора с массовым читателем, делает восприятие более доступным: *Подумаем еще, пораскинем мозгами; Так и вертится на языке вопрос; чушь собачья;* и др.

Становится очевидным, что экспрессивно-оценочный план у Ю.Л. Воротникова содержательно формируется через эмоциональную, часто интенсивную и критическую оценку, а эксплицируется при помощи экспрессивных синтаксических средств, конструкций, устойчивых словосочетаний и стилистически окрашенной лексики.

Таким образом, сопоставительный анализ эмоционально-оценочного плана в двух представленных книгах показывает, что Ю.Л. Воротников как автор-популяризатор в аспекте речевой экспрессии выглядит несколько ярче. При этом соответствующие оценочные формы в тексте «Слова и время» окрашены преимущественно негативно, в отличие от книги В.А. Плунгяна «Почему языки такие разные?», где оценка, во-первых, преимущественно положительна, а во-вторых, более объективна, поскольку взаимосвязана с аспектом языковой нормы.

На материале двух книг выявлены следующие элементы экспликации категории оценочности:

- оценочные лексемы;
- разговорная и просторечная лексика;
- восклицательные эмотивные предложения;
- формы «снижения» и «усиления» категоричности (*очень/не очень*).

Перечисленные языковые элементы являются теми средствами, с помощью которых авторы-популяризаторы выражают свое отношение к предмету сообщения в тексте, проявляя себя как субъекты эмоциональные, не равнодушные к своим профессиональным объектам – языку и речи.

Библиографический список

1. Воротников Ю.Л. Слова и время. М.: Наука, 2019. 271 с.
2. Пиотровская Л.А. Стратификация эмоций в речемыслительной деятельности // Функционально-лингвистические исследования: сб. науч. ст. в честь проф. А.В. Бондарко. СПб.: Наука, САГА, 2005.
3. Плунгян В.А. Почему языки такие разные. Популярная лингвистика. М.: Русистика, 2017. 272 с.
4. Шкуропацкая М.Г. Аспекты семантики предложения: учеб. пособие. Алтайская государственная академия образования им. В.М. Шукшина. 2-е изд., исправ. и доп. Бийск: ФГБОУ ВПО «АГАО», 2014. 186 с.

КОМПОНЕНТ «ОГОНЬ» В КИТАЙСКИХ И РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

THE COMPONENT “FIRE” IN CHINESE AND RUSSIAN PHRASEOLOGICAL UNITS

Чжан Лэй

Zhang Lei

Научный руководитель Н.Н. Бебриш
Scientific adviser N.N. Bebrish

Культурный код, лингвокультура, стихии, огонь, фразеологизмы.

В статье рассматривается стихийный код культуры с элементом «огонь» во фразеологических единицах русского и китайского языков, определяется сходное и различное историческое и социокультурное наполнение фразеологизмов.

Cultural code, linguoculture, elements, fire, phraseological units.

The article examines the spontaneous code of culture with the element fire in the phraseological units of the Russian and Chinese languages, defines similar and different historical and socio-cultural content of phraseological units.

Исследование культурных кодов позволяет выявить приоритетные понятия той или иной лингвокультуры. Вслед за Б.И. Кононенко, мы рассматриваем культурный код как «...ключ к пониманию данного типа культуры; уникальные культурные особенности, доставшиеся народам от предков; это закодированная в некой форме информация, позволяющая идентифицировать культуру. Культурный код определяет набор образов, которые связаны с каким-либо комплексом стереотипов в сознании» [Кононенко, 2003]. «Лингвокультура есть воплощенная и закрепленная в знаках живого языка и проявляющаяся в языковых процессах культура», – отмечает В.В. Красных [Красных, 2008]. Огонь как элемент стихии имеет особую культурную ценность, существует в течение длительного времени и занимает важное место в картине мира каждого этноса.

Предмет исследования – фразеологизмы с компонентом «огонь» в русском и китайском языках. Материалом для исследования послужили данные фразеологических словарей русского [Большой..., 2014] и китайского языков [Чжоу Цзишэн, Чоу Лупэй, Чжан Ци, 1984].

Задача статьи – рассмотреть фразеологизмы с компонентом «огонь» в русском и китайском языках и выявить их лингвокультурные особенности.

Образ огня в его физическом проявлении, ассоциация огня с теплом, освещением или опасностью присутствуют в сознании представителя любого народа земной цивилизации. Стихия огня – это основная природная стихия мироздания и представляет код культуры как в русском, так и в китайском языках.

В русском языке стихию огня связывают прежде всего с трудностями, опасной ситуацией, опасностью для жизни, потому что огонь по природным свойствам «горячий, горящий, сжигающий». Фразеологизмы с компонентом «огонь» в русском языке могут обозначать следующие понятия.

Военное дело: *вызывать огонь на себя, открыть огонь, крещение огнем.*

Кроме того, фразеологизм «вызывать огонь на себя» имеет переносное значение: спровоцировать критику или иные неприятности для себя, обычно с целью отвлечь внимание от кого-либо.

Качество, оценка: *работать с огоньком, дать жару (огня).*

Опасность, трудная ситуация: *играть / шутить с огнем; между двух огней; попасть из огня да в полымя (попасть из трудной ситуации в еще более худшую).*

Причина и следствие: *нет дыма без огня.*

Сакральное: *в геенну огненную (в адский огонь); огонь, мерцающий в сосуде.*

В данных фразеологизмах компонент «огонь» обозначает «горение, сжигание», имеет значение «горячий и горящий» и выступает как символ трудной и опасной ситуации, восходит к архетипическим противопоставлениям «живой – мертвый», «опасный – безопасный», то есть к древнейшим формам осмысления мира. Со стихийным кодом культуры фразеологизмы соотносятся через компонент «огонь».

В китайском языке фразеологизмы с компонентом «огонь» имеют следующие значения.

Опасность, трудное положение:

- 厝火积薪 – *находиться в опасном положении; как на вулкане или пороховой бочке).*

- 玩火自焚 – *играя с огнем, обжечь самого себя, что означает «самому копать себе яму»; находиться в смертельно опасной ситуации.*

Эмоциональность, вспыльчивость:

- 撮盐入火 – *щепотка соли брошена в огонь* ('быть вспыльчивым, нервным, принимать скоропалительные решения'). Русские в таком случае говорят: «взрывной как порох, горяч как огонь».

Ярость, злость:

- 火冒三丈 – *прийти в ярость, разозлиться.*

Военное дело:

- 烽火连天 – *пламя костров военной тревоги взлетает к небу.*

- 兵犹火也, 不戢自焚 – *война как огонь (играет с огнем), если вовремя не остановить, сам сгоришь.*

При сравнении значений русских и китайских фразеологизмов выделяются следующие типы соответствий.

– Полная эквивалентность:

- 趁热打铁 – *бей, пока железо горячо.*

– Частичная эквивалентность:

– 五脏 (肝, 心, 脾, 肺, 肾) 着火 – *пять внутренних органов* (печень, сердце, селезенка, легкие, почки) словно в огне. Означает «душа горит» или «смятение в душе».

Частичное совпадение в структуре и лексико-семантическом представлении единиц:

– 火花会点燃火焰 – *искра зажжет пламя* – означает «из искры возгорится пламя».

Фразеологизмы с одной и той же образной основой в двух языках могут быть разными. Например, буквальное *Огонь в печи приобрел чистый синий цвет* в китайском языке означает «достичь совершенства, высшей точки, апогея». В русском языке выражение *Гори синим пламенем* имеет совершенно другое значение: 1) безысходная ситуация; 2) негативное «пожелание» в адрес человека, который огорчил. Так, один и тот же образ «голубого пламени» дает разные образные значения.

Таким образом, и в русской, и в китайской лингвокультуре огонь связан с «горением, сжиганием», выступает как символ трудной и опасной ситуации, военных действий, оценки и качества.

В русской и китайской лингвокультуре огонь имеет семантику «горячий и горящий», ассоциируется с характером и с эмоциональным состоянием человека. Свойства огня – горячий и горящий – в русской лингвокультуре соотносятся с эмоциональным состоянием человека, который увлеченно делает что-либо, в то время как в китайской лингвокультуре – с характером человека – вспыльчивым, нервным, а также с эмоциональным состоянием человека – яростью и гневом.

Проведенный анализ показал, что стихийный код культуры представлен во фразеологических единицах с элементом «огонь» в русской и китайской лингвокультуре. Эти единицы имеют как сходное, так и различное историческое и социокультурное наполнение, обусловленное в том числе и историей развития каждой нации.

Библиографический список

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. 4-е изд. М., 2014.
2. Кононенко Б.И. Большой толковый словарь по культурологии. М.: Вече, 2003.
3. Красных В.В. Грамматика лингвокультуры: система координат (постановка проблемы) // Язык – культура – человек: сб. науч. ст. к юбилею заслуженного профессора МГУ имени М.В. Ломоносова М.В. Всеволодовой. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 204–214.
4. 俄汉成语词典.周纪生, 仇潞培, 章其编.湖北人民出版社, 1984 (Чжоу Цзишэн, Чоу Лупэй, Чжан Ци. Русско-китайский фразеологический словарь. Хубэй: Народ, 1984).

ЭТО МЫ – БЕЛОРУСЫ...

WE ARE BELARUSIANS...

А.А. Бирюкова, А.И. Лукьянчикова

A.A. Biryukova, A.I. Lukyanchikova

Научный руководитель А.В. Михайлов

Scientific adviser A.V. Mikhaylov

Дневниковые записи, темы жизненного пути, белорусы, переселение, Сибирь, семья Знаков.
Данное исследование посвящено изучению текстов о переселенческой семье белорусов. На основе публикации И.С. Лысенко «Переселенческое движение из Белоруссии в Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.» (на материалах дневниковых записей о белорусской семье Знаков из деревни Нежевка) авторы описывают мир переселенцев с его ценностями, укладом, бытом и мировоззрением. Эти методы можно отнести также к микроисторическим приемам. Актуальность исследования заключается в важности данных, получаемых из аутентичных записей «новых» сибиряков.

Diary entries, topics of life, Belarusians, resettlement, Siberia, family of Znak.

This study is devoted to the study of texts about the displaced family of Belarusians. Based on the publication of I.S. Lysenko “The resettlement movement from Belarus to Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries” (by the materials of diary entries about the Belarusian family of Signs from the village of Nezhevka), the authors describe the world of immigrants with its values, way of life, way of life and worldview. These methods can also be attributed to microhistoric techniques. The relevance of the study lies in the importance of the data obtained from authentic records of “new” Siberians

В данной работе авторы говорят об основных темах записей устных рассказов о переселении одной белорусской семьи в Сибирь.

Белорусский путь в Сибирь. Предки современных белорусов вместе с русскими принимали активное участие еще в самых ранних этапах освоения Сибири [Рыбаков]. В книге рано ушедшей из жизни преподавательницы Университета Решетнева И.С. Лысенко описано переселенческое движение на основе дневниковых записей о белорусской семье и ее истории [Лысенко, 2022]. Издание этой книги – дань памяти светлому, отзывчивому человеку. В книге описаны некоторые причины переселения в Сибирь. Авторами статьи выявлено несколько важнейших тем дневниковых записей: принятие решения о переселении, собственно перемещение с родины в далекую Сибирь, трудности в пути, трудности освоения в Сибири, постепенное укрепление быта, укоренение, развитие рода, счастливые события, наиболее выдающиеся представители рода, важные и примечательные события в истории семьи.

И.С. Лысенко рассказывает про свой род, семью. Ею собрано много детальной информации. В форме дневниковых записей представлена жизнь нескольких поколений. Первое поколение – Василий Васильевич и Анна Григорьевна Знак. Второе поколение – их дети, с которыми они пришли в Сибирь (Евмен, Арина, Лукерья, Федос, Аким, Павлюк). Третье поколение – внуки первых Знаков, дети их детей, родившиеся на сибирской земле и продолжившие пускать здесь корни

своего древа. О правнуках первых Знаков говорится совсем немного. Они ныне здравствуют, и впереди их еще ждет большой жизненный путь.

Переселение крестьян из Белоруссии отмечено уже в 1868–1869 гг. Преимущественно это были бедняки из числа бывших государственных и бывших помещичьих крестьян. В числе основных причин переселения – голод 1867 г., бедность, стремление крестьян при круговой поруке избавиться от бедняков.

В книге В.В. Дашкевича «Переселение в Сибирь» указывается на желание людей найти места побогаче, получше как причину переселения. Первоначальные засельщики Сибири, или так называемые «старожилы», поселялись на совершенно пустых пространствах земли и занимали ее столько, сколько им было нужно для распашки [Дашкевич, 1912, с. 1].

Общая приблизительная цифра переселившихся в Сибирь с 1860 до 1885 г. исчисляется в 300 тыс. душ обоего пола. С 1885 г. производится довольно подробная регистрация переселенцев в пунктах главного движения, сначала в Тюмене и Челябинске, а затем, за упадком движения через Тюмень, исключительно в последнем [Ставровский, 1906, с. 1].

Законом от 31 мая 1899 г. в России установлено «...водворившихся в Алтайском округе, на землях Кабинета нашего, крестьян и инородцев, с передачею отведенных им земель в собственность казны, за установленное законом вознаграждение. Ныне признали Мы необходимым облегчить возможность водворения на незаселенных еще землях названного округа переселенцев из внутренних губерний» [Шиловский, 2003].

Переселения русских крестьян признаются многими за одну из характернейших особенностей русского народного быта [Кауфман, 1905].

Семья Знаков в Сибири. Решив спасти семью от голодной гибели, Знаки получили разрешение на переселение, отважились на долгий путь из белорусской деревни Нежевки Минской губернии в конце XIX в. в Сибирь.

Василий Васильевич и Анна Григорьевна со своими детьми, которых у них было семеро (четыре брата и три сестры – Евмен, Аким, Павел, Федос, Арина, Лукерья и Прасковья) [Лысенко, 2022].

Перемещались переселенцы из Белоруссии в Сибирь в среднем около 6–9 месяцев, в сутки проходили 35–40 верст, двигались партиями по 60–100 семей. Тысячи километров семья Знаков шла по бездорожью, лесами, полями, заходя в деревни, большие и малые города, чтобы заработать денег на хлеб. Где шли пешком, где ехали на лошади, а где и на поезде. «Ночевать часто приходилось под открытым небом, питаться чем придется. Чем ближе к Сибири, тем тяжелее становилась дорога, ведь Сибирь в начале XX в. – это сплошная непроходимая малозаселенная тайга».

Про Акима (диалект и хозяйство). К 1920 г. семья Знаков уже смогла обосноваться. Хотя всю жизнь Аким прожил в Сибири, у него сохранялся своеобразный акцент, характерный для белорусов. Например, «е» в слове «березка» он произносил через звук, который представляет собой нечто среднее. Такие своеобразные белорусские звуки присутствовали в его речи, как и у брата Федоса. Он передался и детям Федоса – Вере и Марусе. Еще, например, Знаки всегда говорили «морква» с ударением на первый слог. Слово «тебе» произносили как «**табе**».

Раскулачивание. Еще один сложный этап в жизни Знаков. В конце 1920-х гг. Аким, как и многие зажиточные крестьяне, пережил раскулачивание. Не только семья Акима кормилась с этого хозяйства. Из техники Аким владел сеялкой, которую смастерил собственными руками. Аким старался всем помогать. Люди вместо благодарности начали завидовать. А когда пришло время вступать в колхоз, Аким отказался, потому что для вступления нужно было сдать все свое хозяйство в коллективное пользование. Буквально выгребали все из закромов.

Про войну. Но вот пришла война... Тяжелое время для всех. «В 1942 г. Михаила призвали в ряды Красной Армии. Вскоре и Николая забрали на фронт. В 1943 г., в ноябре, пришло извещение о том, что Николай пропал без вести. Павел не единственный из семьи Знак, у кого забрали детей на войну. У его брата Евмена на войну ушли старший сын Иван и самый младший Марк. Сестра Арина проводила на войну двух сыновей – Петра и Николая. Александр – сын Акима – служил на Дальнем Востоке.

На войну забрали даже любимицу семьи – умницу кобылицу Нюру, ведь поначалу пушки и снаряды перевозили с помощью лошадей. Не только люди, но и животные познали все тяготы войны».

В войну в семье Федоса жило детей шесть душ, включая Тamarочку – дочь Анюты. И тут еще бродяга прибил к дому зимой. Федос с Прасковьей приняли его. Он ведра ремонтировал. Много постояльцев жили. Один сменял другого. Они приносили доход многодетной семье.

«Михаил – воин, сильный духом!» Михаил вернулся с войны с орденом Красной Звезды. «Что же пришлось пережить Михаилу – красивому юному мужчине, любящему радоваться и веселиться, прежде чем он смог вернуться домой к отцу и сестрам? На фронте Михаил воевал разведчиком-наблюдателем в составе 423-го артиллерийского полка 158-й стрелковой Лиозненской краснознаменной дивизии. Освобождал Белоруссию, Литву, Польшу. Закончил войну в победном сорок пятом в Германии, в местечке Дальмин».

Анатолий. Анатолий прославил род Знаков своим талантом, целеустремленностью и силой, стал известным на всю Россию художником – народным художником России, членом-корреспондентом Российской академии художеств, профессором Красноярского государственного художественного института. С его именем связаны яркие страницы искусства Красноярского края. С появлением картин Анатолия Марковича в начале 1970-х гг. стало очевидным, что в Красноярском крае сформировался талантливый художник, которому по плечу решение самых смелых задач в живописи. Его полотна ждали, каждое из них являлось событием. Вся его живопись – это посвящение сибирской земле и ее жителям. «Добрый лучистый человек, талантливый и неповторимый художник – таким живет Анатолий Маркович Знак в памяти родных, друзей, учеников, художников, многих благодарных зрителей, всех, кто соприкасался с его светлой доброй душой» [Лысенко, 2022, с. 32].

Заслуженные награды героя семьи. Анатолий Маркович за свою долгую жизнь получил много наград, которые свидетельствуют о признании его таланта. Ачинской детской художественной школе присвоено имя Анатолия Марковича Знака, в п. Козулька на здании детской школы искусств установлен мемо-

риальный знак. В Красноярске на доме, в котором находилась мастерская народного художника, располагается памятная доска.

Героями рассказа автора стали предки Ирины – люди, многих из которых уже нет в живых, но мы все равно смогли с ними познакомиться и восхищаться их жизнью.

Только крепость духа, сила воли, устремленность помогают такой большой семье, как семья Знаков, пройти сквозь все препятствия и трудности. Мы восхищены тем, как люди смогли освоиться на новых территориях, принимать участие в жизни новой страны, помогать ей, строить взаимоотношения с другими людьми, заниматься различным ремеслом. Семья Знаков смогла успешно продолжить свой род и подарить людей, которые защищали наше Отечество, внесли большой вклад в развитие искусства в нашей стране, а также просто оставались доброжелательными и хорошими людьми.

Ирина Лысенко начинала книгу как изложение жизненного пути своей бабушки и ее родителей, но ход исследования увел ее дальше – к самым истокам своей родословной. Из чего получилась такая замечательная книга, которая вдохновляет нас на изучение своих корней.

Один из авторов данной статьи имеет белорусские корни, и она узнала у своей бабушки о переезде из Белоруссии в Сибирь.

Лукьянчикова Нина Евгеньевна: «Я родилась и провела свое детство в Беларуси, в городе Гродно, у меня была очень большая и дружная семья. После окончания школы я поехала получать образование в Эстонию, отучившись там на маляра, я была распределена и отправлена работать в Сибирь, в Красноярск» [Лукьянчикова].

«В Красноярске мне дали жилье, сюда же позже переехало несколько моих братьев. В Красноярске я нашла себе мужа и обзавелась семьей <...> Честно, я даже не знаю, что считать своим домом, Сибирь или Беларусь, наверное, о своих родственниках и доме в Беларуси я буду помнить всегда, но моя душа здесь, в Сибири» [Лукьянчикова].

Выводы. Авторы хотели бы, чтобы сложилось представление о культуре, укладе жизни, мировоззрении народа. Многие факты представлены на фоне исторических событий, придающих глубину и объемность эмоциональному восприятию человеческих судеб. Исследование призвано заинтересовать, ценить и изучать свои корни.

Библиографический список

1. Дашкевич В.В. Переселение в Сибирь. Спб.: Тип. А.С. Суворина, 1912. 84 с.
2. Кауфман А.А. Переселение в Сибирь. Спб., 1905. 443 с.
3. Лукьянчикова Алина. Интервью с Лукьянчиковой Ниной Евгеньевной. Запись автора.
4. Лысенко И.С. Переселенческое движение из Белоруссии в Сибирь во второй половине XX – начале XX вв. (на материалах дневниковых записей о белорусской семье Знак из деревни Нежевка). Красноярск: СибГУ им. М.Ф. Решетнева, 2022. 202 с.
5. Рыбаков Б.А. Белорусы в Сибири [Электронный ресурс]. URL: <https://www.postkomsg.com/history/196516/> (дата обращения: 11.11.22).
6. Ставровский Я.Ф. Переселение в Сибирь: прямое и обратное движение переселенцев семейных, одиноких на заработки и ходоков. Спб.: Издание Переселенческого управления, 1906. 81 с.
7. Шиловский М.В. Сибирские переселения. Документы и материалы. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2003. Вып. 1. 198 с.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРИЗНАКОВ ЛЕКСЕМ КОНТАМИНАНТНОЙ СЕМАНТИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

REPRESENTATION OF SIGNS OF LEXEMES OF CONTAMINANT SEMANTICS IN A LITERARY TEXT

И.В. Ревенко

I.V. Revenko

Лексема, семантика, контаминация, коннотативный макрокомпонент, микрокомпонент, интенсивность, экспрессивность, градуальность.

В статье описывается понятие «контаминантная семантика», уточняется содержание термина «контаминация» в лингвистических исследованиях. На примерах из художественных текстов рассматриваются особенности взаимодействия микрокомпонентов значения в структуре коннотативного макрокомпонента; определяются контекстные условия, способствующие выдвигению одного из микрокомпонентов на доминирующую позицию.

Lexeme, semantics, contamination, connotative macro component, micro component, intensity, expressiveness, gradality.

The article describes the concept of “contaminant semantics”, clarifies the content of the term “contamination” in linguistic research. Using examples from literary texts, the features of the interaction of micro-components of meaning in the structure of a connotative macro-component are considered; contextual conditions are determined that contribute to the promotion of one of the micro-components to a dominant position.

Одним из традиционных, но не утративших своей актуальности объектов лингвистических исследований является структура значения. «В современной лингвистической семантике значение рассматривается как знаковая модель неязыкового содержания, представляющая... сложную структуру с внутренне организованными связями» [Васильев, 2009, с. 1155]. В статье в центре внимания находятся условия репрезентации семантических признаков в структуре контаминантного по своей природе значения, т.е. значения возникших в результате контаминации семантических признаков.

Термин «контаминация» активно используется в разных областях знания, где часто наделяется специфическими для конкретной науки значениями. В связи с этим представляется важным определить содержание данного термина, актуальное для нашей статьи.

Для современной лингвистики характерно расширение зоны интересов, ведущее к появлению интегральных научных дисциплин, что, в свою очередь,

провоцирует расширение терминосистемы как за счет возникновения новых терминов, так и за счет расширения семантики терминов уже существующих.

К числу терминов, подвергшихся такому семантическому расширению, относится «контаминация». Данная терминологическая единица в лингвистических исследованиях используется в узком и широком значениях.

При узком понимании «контаминация» определяется как «взаимодействие языковых единиц, соприкасающихся либо в ассоциативном, либо в синтагматическом ряду, приводящее к их семантическому или формальному изменению или к образованию новой (третьей) языковой единицы» [Шадрухина, 2003].

В широком значении этот термин употребляется, прежде всего, в словообразовании, где под данное понятие подводится обширный круг явлений, а именно: морфонологическая аппликация морфем (морфонология, таксист), смешанные способы словообразования (приосаниться, шестиклассник) [Пекарская, 2007, с. 269], разные виды словотворчества (алексейтолстовский (В. Пискунов), штопоридзе – штопор) [Сковородников, 2007, с. 273], словообразование по аналогии [Там же, с. 272] и любое «соединение в одно двух ходовых выражений или пословиц» [Квятковский, 1966, с. 65].

В грамматике к проявлениям контаминации обычно относят появление классов слов, совмещающих грамматические признаки двух и более частей речи (причастий, деепричастий, порядковых числительных) [Пекарская, 2007, с. 269], некоторых морфологических парадигм (перекрещивающиеся парадигмы глаголов, совпадающие в формах инфинитива и прошедшего времени (*двигаться, двигался*), но различные в формах настоящего времени (*поезд движется с места / поезд движется по мосту*)), а также «сочетание семантико-грамматических свойств взаимодействующих синтаксических структур (*играть значение, оплатить за проезд*)» [Шадрухина, 2003].

Если взять за основу идею объединения, то к проявлениям контаминации, на наш взгляд, можно отнести и соединение сходных семантических признаков в составе лексемы. Такого рода семантическая контаминация может иметь основанием интеграцию в структуре значения слова проявлений разных семантических категорий.

Иллюстрацией семантической контаминации можно считать единицы, в которых совмещены признаки-репрезентанты категорий интенсивности, градуальности, экспрессивности. В основе перечисленных категорий лежит когнитивная операция оценки, предполагающая сопоставление с эталоном или нормой. В результате такого сопоставления, во-первых, устанавливается несоответствие с эталоном, а во-вторых, степень такого несоответствия.

В результате сопоставления с эталоном определяется степень интенсивности, большая или меньшая по сравнению с ординарным уровнем, отражаемая специальными языковыми средствами. Градуальность предполагает «количественные модификации проявления качества... устанавливаемые посредством сравнения с некоторым эталоном и относительной или абсолютной оценки данных этого сравнения» [Харченко, 2002, с. 33]. «Экспрессивность – свойство ЛЕ, связанное

с ее способностью в образной или (реже) необразной “форме” репрезентировать субъективные... представления говорящих о качественно-количественных проявлениях реалий... непосредственно переживаемые эмоции, чувства говорящих, субъективные мнения и оценки о предмете речи и т.д.» [Лукьянова, 2015, с. 188].

Указанные семантические признаки закрепляются в коннотативном макрокомпоненте значения в виде взаимосвязанных микрокомпонентов. Детализация структуры коннотативного макрокомпонента позволяет выделить следующие его элементы: эмоциональный, оценочный, интенсивно-экстенсивный, стилистический и образный микрокомпоненты.

Эмоциональный микрокомпонент представляет собой отражение фактов эмоционального переживания говорящим определенного явления действительности. Он тесно связан с оценочным микрокомпонентом, который передает пейоративную или мелиоративную оценку предмета речи. Интенсивно-экстенсивный микрокомпонент отражает степень проявления действия или качественной характеристики предмета. При этом степень проявления признака или действия может предполагать градацию и экспрессивизацию.

Стилистический и образный микрокомпоненты связаны с функционированием лексической единицы, поскольку условием для их проявления и актуализации является контекст.

Для единиц контаминантной семантики контекст имеет исключительно важное значение, поскольку он создает условия для выдвижения одной из сем на доминирующую позицию. Так, в контексте ...*Печка пожирала жалкую древесную лось* (В.П. Астафьев) лексема контаминантной семантики *пожирала* включает все указанные выше микрокомпоненты. Доминантным в данном контексте является интенсивно-экстенсивный микрокомпонент (*пожирать* (уничтожать полностью) – лексический интенсив, т.к. наречный конкретизатор, актуализирующий признак интенсивности, включен в дефиницию). О доминантном характере указанного микрокомпонента свидетельствует также то, что он создает своеобразный фон для конкретизации других микрокомпонентов: эмоционально-экспрессивного (эмоция безысходности, т.к. пожирала, но не давала тепла), оценочного (пейоративная имплицитная оценка), стилистического (разг., сниж.), образного (переносное метафорическое значение, мотивированное основным прямым значением «съесть, уничтожить пищу с жадностью, без остатка»).

Способом выдвижения на доминантную позицию интенсивно-экстенсивного микрокомпонента может служить не только лексическая, но и грамматическая семантика. В русском языке категория интенсивности выступает как грамматикализованная для прилагательных и глаголов, поскольку у данных классов есть специализированные грамматические категории (степени сравнения; вид и способы действия), которые передают значения интенсивности или экстенсивности. Так, например, в контексте *Солдаты успели перепачкать новое обмундирование, пропотеть насквозь...* (В.П. Астафьев) интенсивность глаголов определяется результативной видовой семантикой и принадлежностью к способу действия (дистрибутивному для первого глагола и интенсивному для второго).

Если сравнить глаголы в этом контексте, то следует отметить, что значимыми для выдвижения интенсивности в качестве доминантной семы оказываются также переходность глагола и семантическая характеристика объекта при нем: глагол *перепачкать* является переходным и обозначает действие, которое полностью охватывает составной объект, что усиливает восприятие глагола как интенсивного.

Важное значение для актуализации интенсивности имеют контекстные конкретизаторы, которые усиливают семантику интенсива или градуируют ее: *На станции Злобино ночью дагнуло сцепщика, и лежал он весь в бинтах у окна, слабо постанывая* (В.П. Астафьев. Соевые конфеты).

Объединение интенсивно-экстенсивного, эмоционально-экспрессивного, оценочного, стилистического и образного микрокомпонентов в коннотативном макрокомпоненте лексем контаминантной семантики происходит на основе общей для них когнитивной операции сравнения с эталоном. Контекст, в котором употребляются такие лексемы, создает условия для выдвижения одного из микрокомпонентов на доминантную позицию и расширяет функциональный потенциал лексической единицы.

Библиографический список

1. Астафьев В.П. Прокляты и убиты. Книга первая. М.: Эксмо, 2002.
2. Астафьев В.П. Соевые конфеты // Проза войны: в 2 т. / ред. А. Гремицкая. Иркутск: Литера, 1993.
3. Васильев Л.М. Актуальные проблемы современной лингвистической семантики // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14, № 3 (I). С. 1155–1160.
4. Квятковский А.П. Поэтический словарь / науч. ред. И. Роднянская. М.: Советская энциклопедия, 1966. 376 с.
5. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления в семантическом аспекте // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 9: Филология. С. 183–201.
6. Пекарская И.В. Контаминация // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник. М., 2007. С. 269–272.
7. Сковородников А.П. Контаминация словообразовательная // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник. М., 2007. С. 272–274.
8. Харченко О.Д. Деинтенсификация оценочных конструкций в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2002. 156 с.
9. Шадрухина В.В. Активизация контаминированных конструкций в современном синтаксисе (на материале контаминированных конструкций с союзами «что» и «как») // Ярославский педагогический вестник. 2003. № 4. С. 1–7.

ПОЛЕ ЦВЕТА В РОМАНЕ Н.В. ГАЙДУКА «ВОЛХИТКА»

THE FIELD OF COLOR IN N.V. HAJDUK'S NOVEL "VOLKHITKA"

Н.Н. Бебриш

N.N. Bebrish

Лексико-семантическое поле цвета, микрополе цвета, колоративы, роман «Волхитка», лексико-семантическая группа цвета.

В статье рассматривается лексико-семантическое поле цвета в романе Н.В. Гайдука «Волхитка», выделяются основные микрополя цвета в произведении, определяются их состав и структура, отмечается значимость колоративной лексики в идиостиле писателя.

Lexico-semantic field of color, microfield of color, coloratives, novel "Volkhitka", lexico-semantic group of color.

The article examines the lexico-semantic field of color in N.V. Hajduk's novel "The Volkhitka", highlights the main micropoles of color in the work, determines their composition and structure, and notes the importance of color vocabulary in the writer's idiosyle.

Р.М. Фрумкина, рассуждая о цветовой картине мира, делает вывод, что «...у каждого носителя языка восприятие того или иного цвета связано с жизненным опытом, психофизическим состоянием, определяется целым рядом объективных и субъективных факторов, поэтому достаточно индивидуально и является частью наивной картины мира» [Фрумкина, 1984, с. 30]. В этом плане интересным, на наш взгляд, является обращение к функционированию колоративов в идиостиле писателя, ведь художественный текст и есть определенный набор тех самых факторов, о которых пишет исследователь.

В настоящее время все чаще световое и цветное пространство художественного текста рассматривается с позиции картины мира (этноса, отдельной личности) и теории поля. В таком ключе выполнены диссертационные исследования Ю.А. Карташовой (2004, лирика И. Северянина), Э.Р. Миассаровой (2006, произведения М. Пруста и А. Белого), С.Г. Носовец (2002, цикл рассказов «Весна в Фиальте» В. Набокова), И.Е. Цегелик (2007, поэзия И. Бродского) и ряд других. Кроме того, разноаспектному изучению поля цвета посвящены многочисленные публикации в журналах и сборниках.

В статье предпринята попытка рассмотреть состав и структуру лексико-семантического поля (ЛСП) цвета в романе Н.В. Гайдука «Волхитка».

Лексико-семантическое поле цвета – это группа слов-цветообозначений, обладающая высокой степенью организованности и образующая систему микрополей – семантических объединений, связанных интегральным признаком – значением какого-либо конкретного цвета, обычно выраженным доминантой поля. ЛСП цвета выступает как единица цветовой картины мира [Чумак-Жунь, 1996, с. 13].

Творчество Н.В. Гайдука привлекает внимание читателей и критики. По мнению В.П. Марина: «Писатель Николай Гайдук является блистательным художником русского слова, мастером, способным удивлять и восхищать в духе лучшей классической литературы, призванной глаголом жечь сердца людей,

возвышать их помыслы и раздвигать горизонты...» [Марин, 2012]. Министерством образования и науки Красноярского края произведения Николая Гайдуга включены в школьную программу. Исследовательские литературоведческие материалы по творчеству писателя представлены в учебно-методическом пособии «Литература Красноярского края» (2018). Произведения писателя, в частности роман «Волхитка», несомненно, интересны и для лингвистических изысканий.

Лексико-семантическое поле цвета романа «Волхитка» представлено 1067 колоративами, которые составляют 8 микрополей: поле белого цвета – 476 (44,6 %) употреблений, поле красного цвета – 210 (19,7 %), поле синего цвета – 109 (10,1 %), поле черного цвета – 100 (9,4 %), поле желтого цвета – 82 (7,7 %), поле зеленого цвета – 47 (4,4 %), поле серого цвета – 36 (3,4 %), поле коричневого цвета – 7 (0,7 %). Из них ахроматические цвета создают три поля (белого, черного и серого цвета) и составляют 57,4 % всех цветоупотреблений. Ахроматические цвета, особенно белый, выступают, помимо других функций, своеобразным полотном, на котором более ярко и отчетливо проявляется все многоцветье романа «Волхитка».

Микрополе белого цвета – самое большое в романе, составляет около 45 процентов всех цветоупотреблений (437 – основной цвет, 39 – оттенки цвета), доминанта поля – *белый* (437), ближняя периферия – оттенки белого цвета: *седой* (21), *серебряный* (14), дальняя периферия – *молочный* (2), *снежный* (1), *белесый* (1). Слова *беловодский* (158) и *Беловодье* (23) составляют почти половину всех употреблений белого цвета, тем самым организуют географическое, духовное и историческое пространство романа «Волхитка».

С белым цветом в романе связаны почти все образы-символы: *белый храм во ржи*; образ *Беловодской Богородицы, Богоматери, королевы, женщины в белом платье, в золотой короне, царевны, Вечной странницы*, образы *белой шляпы и мальчика в белой рубашке с горящей (негасимой) свечой в руках*. Все эти образы так или иначе сопряжены с образом *волхитки*. «*Волхиткою когда-то в Сибири называли колдунью, превратившуюся якобы в волчицу*» [Гайдук, 1994, с. 8]. Имплицитно само название романа несет в себе представление о белом цвете. Функционированию ЛСГ белого цвета в романе Н.В. Гайдуга посвящена статья автора [Бебриш, 2021, с. 140–142].

Микрополе красного цвета самое объемное в романе (113 основной цвет (в том числе слова с компонентом красный), 97 – оттенки цвета), доминанта поля – *красный* цвет (75 + 38), ближняя периферия – оттенки красного цвета: *рыжий* (35), *розовый* (18), дальняя периферия – *багровый* (10), *фиолетовый* (7), *малиновый* (7), *багряный* (7), *алый* (5), *сиреневый* (4), *кровянистый* (2), *вишневый* (2). Почти каждый из оттенков красного цвета, в свою очередь, также представлен разнообразием оттенков. Так, можно выделить группы цветообозначений, уточняющих оттенки собственно красного цвета: сложные, с формантами *ярко-*, *темно-*: *ярко-красный*, *темно-красный*, уточняющими интенсивность окраски: *кроваво-красный*, двусоставные цветообозначения, называющие разноцветные объекты: *красновато-желтый*, *красно-ржавый*, *черно-красный*, *красно-розовый*, обозначение предметов, включающих красный цвет: *красноглазый*, *красноталовый*, *краснорож*, *красногрудый*, *краснощекий*, *красно-клокочущий* и другие.

Красный цвет в романе «Волхитка» амбивалентный, он выполняет номинативную, выразительно-изобразительную, эмотивную, психологическую, символическую функции, выступает также своеобразным сигналом характеристики персонажа, например: оттенок рыжий, особенно во второй книге, неразрывно спаян с образом циничного, злого, связанного с нечистой силой Варфоломея (Ворьки) Кикиморова, выступает его символом.

Микрополе синего цвета в романе представлено двумя основными цветами (синий (56) (в том числе слова с компонентом синий), голубой (42) (в том числе слова с компонентом голубой), 13 – оттенки цвета), доминанта поля – *синий* цвет (21 + 35), *голубой* цвет (17 + 25), периферия – оттенки синего цвета: *лазурный* (5), *васильковый* (2), *лазоревый* (2), *бирюзовый* (1), *поднебесный* (1).

Микрополе синего цвета в романе характеризуется словообразовательной активностью автора: производство существительных (*синева, синь, голубизна, лазурь, просинец*), глаголов и отглагольных форм (*голубеть, отголубеть, заголубеть, синеть, засинеть, посинеть, голубея, голубеющий, синеющий, разголубевшийся*), производных прилагательных (*голубоватый, голубоватенький, синеватый*) и др. Стоит отметить индивидуально-авторские употребления: *голубень, январь-просинец, глаза поднебесной чистоты, синяя лазурь, сизая синева*.

Синий цвет и его оттенки в романе чаще всего используются для описания состояний природы, неба, реки, воды, смены времени суток, обозначения цвета глаз людей и животных.

Ахроматическое микрополе черного цвета представлено доминантой – *черный* цвет (68) и его оттенками – периферией (32): *чернела* (6), *почернел* (4), *черненький* (3), *чернотропы* (2), *чернолесье* (2), *черно-фиолетовый* (2), *по-черному* (1), *черноватый* (1), *чернь* (1), *черно-бурый* (1), *черно-синий* (1), *черно-белая* (1), *черно-красный* (1), *зеленовато-черный* (1), *вороной* (1). Черный цвет взаимодействует практически со всеми цветами микрополей в романе, в ряде случаев выступает не в цветовом значении: *черные дни, бранился по-черному, черное дело*.

Микрополе желтого цвета представлено доминантой – *золотой* (31 + 9), *желтый* (23 + 14), периферией – *оранжевый* (4), *шафрановый* (1). Желтый цвет обозначает прежде всего огонь, цвет и свет небесных светил, цвет старой бумаги. В микрополе желтого цвета показан также один из образов-символов романа – золотая точка. Поставить золотую точку – завершить дело с высокой степенью качества. Н.В. Гайдук играет с этим символом, вкладывая выражение в уста как положительных, так и отрицательных героев, в последнем случае вроде бы «стирая» положительную коннотацию высказывания, однако в конце романа все же победа остается за положительным смыслом и частное зло жестоко наказано (смерть от зубов волчицы Ворьки Кикиморова).

Микрополе зеленого цвета представлено доминантой – основным цветом *зеленый* (23) и его 23 оттенками – периферией: *зеленоватый* (7), *зеленеть* (4), *изумрудный* (3) и употребленными по одному разу словами – *зеленеющий, позелененные, зелень, багряно-зеленые, золотисто-зеленые, сине-зеленые, зеленовато-черные, тоскливо-зеленые, бледно-зеленые, темно-зеленые*. Зеленый в романе – это цвет листвы, травы, деревьев, реки, радуги, а также глаз волчицы.

Ахроматическое микрополе серого цвета представлено основным цветом *серый* (26 + 4) – доминанта, и оттенком *сизый* (4 + 2) – периферия. Серый цвет и оттенки собственно серого цвета используются для обозначения масти (*серые в яблоках кони*), указания на цвет построек, шкуры животного, волос, природные явления («... в тайге – уныло, серо, мокро» [Гайдук, 1994, с. 156]), перифрастического описания волка (*серый собрат, серые шубы, серые тени, серые точки*), нечистой силы (*серый смерч*); оттенок *сизый* указывает на состояние природы, цвет глаз, пелену от дыма, костра.

Микрополе коричневого цвета – самое маленькое в романе, составляет 0,7 процента всех цветоупотреблений (3 – основной цвет, 4 – оттенки цвета), доминанта поля – коричневый (2), бурый (1), периферия – оттенки коричневого цвета: коричнево-бурый (1), светло-бурый (1), карий (1), темно-коричневый (1). В.Г. Кульпина замечает, что разница между коричневым и бурым заключается в сфере употребления: «...термин коричневого цвета “забронирован” за ...искусственной средой, а термин бурого цвета приспособлен скорее для цветообозначения объектов естественной среды» [Кульпина, 2007, с. 170]. В романе «Волхитка» коричневый используется для обозначения цвета глаз, ладони героя, бурый указывает на цвет шкуры медведя, оттенки – на цвет шерсти животных, расцветку крыльев птицы, цвет снега и глаз.

Самые частотные цветообозначения романа «Волхитка» Н.В. Гайдука: *белый* (437), *красный* (75), *черный* (68), *рыжий* (35), *золотой* (31), *серый* (26), *желтый* и *зеленый* (23), *синий* и *седой* (21). Белый, красный и черный цвета занимают первые три места, что традиционно характерно для русской цветовой картины мира. Несмотря на многообразие оттенков цвета в романе, цветовой фон «держат», как правило, основные цвета, выступая опорой для оттеночного разноцветья, работая на замысел автора.

Микрополя цвета в романе взаимодействуют, создают единое поле цветообозначения также за счет использования двусоставных или трехсоставных цветообозначений, употребления в одном контексте колоративов, относящихся к разным микрополям. Таким образом, изучение цвета в полевой парадигме помогает выявить роль колоративной лексики в тексте произведения.

Библиографический список

1. Бебриш Н.Н. Функционирование лексико-семантической группы белого цвета в романе Н.В. Гайдука «Волхитка» // Воропановские чтения: матер. II Междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 13 ноября 2021 г. / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2021. С. 140–142. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47494924>
2. Гайдук Н.В. Волхитка. Красноярск: Красноярское книж. изд-во, 1994. 429 с.
3. Кульпина В.Г. Система цветообозначений русского языка в историческом освещении // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ. М.: КомКнига, 2007. С. 126–184.
4. Литература Красноярского края: учеб.-метод. пособие. Красноярск, 2018. 284 с.
5. Марин В.П. В поисках Гипербореи // Писатели Сибири и Дальнего Востока. Красноярск: Буква Статейнова, 2012. 376 с.
6. Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. М., 1984. 175 с.
7. Чумак-Жунь И.И. Лексико-семантическое поле цвета в языке поэзии И.А. Бунина: состав и структура, функционирование: дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1996. 187 с.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ В ПЕРЕВОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (на примере поэзии Р.Л. Стивенсона)

FEATURES OF FUNCTIONING OF EXPRESSIVE MEANS
IN TRANSLATED LITERATURE
(based on R.L. Stevenson's poetry)

М.С. Гурова

M.S. Gurova

Научный руководитель В.Н. Замыслова
Scientific adviser V.N. Zamyslova

Выразительность речи, средства выразительности, лексические средства выразительности речи, поэтический текст, английский язык, русский язык.

В статье анализируются функции лексических средств выразительности речи. Изобразительно-выразительные средства являются одним из инструментов художественного восприятия окружающего мира. Использование средств выразительности позволяет поэтам и писателям усиливать эмоциональные и экспрессивные оттенки высказывания. При помощи описательного и сопоставительного методов выявляются особенности перевода лексических средств выразительности, используемых в текстах Р.Л. Стивенсона и их переводах.

Expressiveness of speech, expressive means, lexical means of speech expressiveness, poetic text, English, Russian.

The article analyzes the functions of lexical means of speech expressiveness. Stylistic devices and expressive means are one of the tools for artistic perception of the world. The use of expressive means allows poets and writers to enhance the emotional and expressive shades of the utterance. With the help of descriptive and comparative methods, the features of the translation of lexical means of expression used in the texts of R.L. Stevenson and their translations.

Язык художественной литературы, нацеленный на удовлетворение эстетических потребностей читателя, используется в сфере словесного искусства. В соответствии с этим выделяют основные функции художественного стиля: эстетическая, изобразительности, образности, эмотивности. Обозначенные функции обуславливают использование разного рода языковых выразительных средств, с помощью которых автором усиливаются экспрессивно-эмоциональные оттенки речи [Головин, 1980].

Выразительные средства можно определить как «языковые или речевые средства, которые обеспечивают полноценное (максимально приближенное к пониманию заложенной в тексте информации) восприятие речи адресатом» [Энциклопедический..., 2011]. Согласно М.Н. Кожинной, традиционно принято выделять следующие средства выразительности: фонетические, лексические,

словообразовательные, грамматические [Кожина и др., 2008]. К выразительным средствам исследователи относят также стилистические приемы, в том числе стилистические фигуры и тропы [Литературный..., 1987].

В настоящей статье представлен анализ лексических средств выразительности в стихотворениях Р.Л. Стивенсона и их переводах. К изобразительно-выразительным средствам лексического уровня относятся полисеманты, омонимы, синонимы, антонимы, паронимы, стилистически окрашенная лексика, фразеологизмы, лексика ограниченного употребления, а также тропы, представляющие собой «употребление слова, словосочетания или предложения не в прямом, а в переносном значении» [Кожина и др., 2008].

Анализ 70 единиц позволил дифференцировать их в зависимости от их отнесенности к одному из средств создания выразительности.

Архаизмы (2): *arrant* – отъявленный, суший (But my lazy little shadow, like an arrant sleepy-head). Данная лексема употреблена для более детального описания тени, а также для выражения авторского отношения к ней – «сухая соня» – в стихотворении «My Shadow». Однако в художественных переводах И. Ивановского, О. Румера, М. Лукашкиной данная лексема не отражена. *Gird* – подпоясываться, опоясывать (She *girds* me in my sailor's coat). В контексте стихотворения «My Bed is a Boat» данный глагол помогает создать атмосферу морского похода, в который отправляется герой произведения. В переводе Ю. Балтрушайтиса этот архаизм отсутствует.

Синонимы (2): *emperors and kings* – императоры и короли (в художественном переводе Л. Зимана – «короли, вожди»). Данная синонимическая пара используется в стихотворении «Young Night Thought» для создания описательного образа воображаемых событий, которые предстают перед глазами лирического героя – марширующие люди, звери, проносящиеся перед мальчиком, который готовится ко сну. *With bell and voice and drum / Cities on the other hum.* – С колоколами, голосами и барабанами гудит город (в переводе И. Ивановского: *А в городах хлопочет люд / И колокольчики поют*). Цепочка контекстуальных синонимов использована для создания атмосферы окружающего фонового шума большого города, однако в тексте на русском языке синонимы представлены при помощи прямого перевода и использования метафоры.

Антонимы (3): *here / at sea* – здесь / в море (*It rains on the umbrellas here, / And on the ships at sea.* – Льет дождь на зонтики **здесь** и на корабли в море). В художественном переводе И. Ивановского данная антонимическая пара оформлена следующим образом: *У нас на зонтики он льет, / А в море – на суда. Summer fading, winter comes.* – Лето угасает, зима приходит. В переводе Ю. Балтрушайтиса: *Меркнет лето, час зимы.* Эта антонимическая пара используется для того, чтобы подчеркнуть контраст процесса смены времен года.

Заемствования (5): *caravan* – караван, *mosque* – мечеть, *minaret* – минарет, *bazaar* – базар, *palanquin* – паланкин. Данные лексические единицы, которые встречаются в стихотворении «Travel», применяются поэтом для описания быта и культуры восточных народов.

Фразеологизмы (8): *sleepy-head* – соня, дословно – сонная голова. При переводе стихотворений «My Shadow», «Time to Rise» И. Ивановский обращается к лексемам «лентяй», «ленивица» для передачи одного из оттенков значения данного фразеологизма. Используются для эмоционально окрашенной характеристики различных персонажей в стихотворениях: в отношении образа тени, лирического героя в составе обращенной к нему реплики, для описания зимнего солнца. *How am I to sing your praise* – Как тебе **воздать хвалу** (пер. Ю. Балтрушайтиса). *Before my eye, before his eyes* – передо мной, перед ним, дословно: перед моими глазами, перед его глазами. Данные фразеологизмы использованы для того, чтобы подчеркнуть близость находящихся объектов и их наблюдателей.

Синекдоха (1): *tree* – дерево, употреблено в значении «лес» (*It falls on field and tree*). В переводе И. Ивановского: *В лесу и в поле хлещет дождь*.

Метонимия (1): *Close by the jolly fire I sit to warm my frozen bones*. – *Близко к огню я сижу, чтоб согреть мои замерзшие кости*. Данный прием используется для усиления эмоциональности речи, а также для усиления художественного впечатления об окружающей обстановке и состоянии лирического героя. В художественном переводе И. Ивановского: *Потом присяду у огня, / Чтоб он скорей согрел меня*.

Гипербола (3): *thousands of millions of stars* – **тысячи миллионов** звезд. Тропа используется в стихотворении «Escape at Bedtime» для выражения авторской мысли о бесчисленном количестве звезд на небе. В переводе А. Сергеева: *Муриады звезд и планет*.

Away down the river, / A hundred miles or more, / Other little children / Shall bring my boats ashore. – Вниз по реке за сто миль отсюда другие дети вынесут мои кораблики на берег. В стихотворении «Where Go the Boats?» повествование ведется от лица мальчика, который запускает кораблики по реке, наблюдает за их движением. Гипербола в этом стихотворении создает отражения хода мыслей ребенка, который надеется, что его игрушку найдут за много миль от него. В тексте на русском языке в переводе И. Ивановского: *А миль за сто отсюда, / Где новые сады, / Его другие дети. / Достанут из воды*.

Перифраз (3): *the gardener of the World* – садовник Мира (о солнце). В стихотворении «Summer Sun» этот троп выполняет эстетическую функцию, описывая летнее солнце. В произведении «Winter-Time» поэт снова в отношении солнца использует перифраз: *A blood-red orange* – кроваво-красный апельсин. В переводе И. Ивановский использует словосочетание «темно-красный апельсин».

Эпитеты (6): *The cold wind burns my face, and blows / Its frosty pepper up my nose* – холодный ветер обжигает мое лицо и дует **морозным** перцем мне в нос. Данный троп используется для описания ощущений лирического героя от окружающей его зимней обстановки в стихотворении «Winter-Time». При переводе эпитет сохранен: *А ветер жжжет меня до слез, / Морозным перцем сыплет в нос*. В стихотворении «Travel» присутствует сочетание с эпитетом *knotty crocodile* – узловатый крокодил. Использование этого тропа помогает автору дать точное,

выразительное и яркое описание облика животного. В тексте на русском языке И. Ивановским использован буквальный перевод: *узловатый крокодил*.

Метафоры (8): Summer fading – лето угасает (в переводе Ю. Балтрушайтиса: *Меркнет лето*). В стихотворении «Picturebooks in Winter» эта метафора акцентирует внимание на том, что лето медленно подходит к концу. Далее в произведении описываются перемены в природе, которые наступают с приходом зимы: Water now is turned to stone – вода превращается в камень (в переводе Ю. Балтрушайтиса: *Стали воды, как кремь*). В стихотворении «Winter-Time» метафоры *The cold wind burns my face, and blows / Its frosty pepper up my nose* (холодный ветер обжигает мое лицо и дует морозным перцем мне в нос) используются для более выразительного и экспрессивного описания ощущений лирического героя в зимнюю погоду. В переводе И. Ивановского: *А ветер жжжет меня до слез, / Морозным перцем сыплет в нос*. Метафора Castles of the foam (дворцы из пены) в стихотворении «Where Go the Boats?» применяется для создания образа стремительной пенящейся реки. Данный троп на русский язык переведен И. Ивановским следующим образом: *Дворцы из белой пены*.

Сравнения (14): *My bed is like a little boat* (моя кровать, как маленькая лодка) в стихотворении «My Bed is a Boat!» используется для описания воображаемого мира, который окружает лирического героя (у Ю. Балтрушайтиса: *Моя постель – как малый челн*). В произведении «Travel» присутствуют следующие сравнения: *forests, hot as fire* (леса горячие как огонь), *forests... Wide as England* (леса широкие, как Англия), *forests... tall as a spire* (леса высокие, как шпиль). С помощью данных тропов поэт создает выразительное описание леса с целью наиболее точно отразить авторское восприятие пейзажа. И. Ивановский при переводе вместо сравнений использовал эпитет и метафору: *А дальше знойные леса / Возносят шпиль в небеса* (троп *forests... Wide as England* не переведен).

В стихотворении «Looking-glass River» присутствует двойное сравнение: *All below grows black as night, / Just as if mother / Had blown out the light!* (все внизу чернеет, как ночь, словно мама задула свет). С помощью этого тропа Р.Л. Стивенсон дает более детальное описание окружающей ночной обстановки, а часть «словно мама задула свет» придает ему атмосферу родного дома, тепла. При переводе И. Ивановским был сохранен только второй троп: *Ничего там больше нет, – / Будто это мама / Погасила свет*.

Олицетворения (14). В произведении «Escape at Bedtime» звезды являются основными персонажами, которых автор наделяет человеческими чертами: *the crowds of the stars that looked down upon me* (толпы звезд, смотревших на меня сверху вниз). Для передачи этого тропа А. Сергеев при переводе использовал метонимию: *Сколько глаз глядит на меня с высоты*. В стихотворении «The Moon» автором передана внешность луны с помощью олицетворения и сравнения: *The moon has a face like the clock in the hall* (у луны лицо, как часы в гостиной). В переводе В. Ходасевича: *Лицо у луны как часов циферблат*. Стихотворение «WinterTime» описывает зимнее время. Троп в составе предложения

Late lies the wintry sun a-bed (зимой солнце допоздна лежит в постели) наделяет солнце чертами, которые могут быть присущи человеку, например нежелание рано просыпаться холодным зимним утром. В переводе И. Ивановского: *Зимой солнце хочет спать*.

Анализ средств выразительности, присутствующих в стихотворениях Р.Л. Стивенсона позволил сделать несколько выводов об особенностях использования поэтом тропов. Так, Р.Л. Стивенсон прибегает к непрямым и прямым сравнениям, наделяет неодушевленные объекты и явления человеческими характеристиками. Сравнительно большое количество олицетворений и метафор в поэзии Р.Л. Стивенсона может быть продиктовано авторским замыслом, который заключается в желании передать мир с точки зрения ребенка, для которого окружающие объекты являются живыми. Особенности перевода лексических средств выразительности были рассмотрены на примерах работ И. Ивановского, О. Румера, Ю. Балтрушайтиса, В. Ходасевича, М. Лукашкиной, Л. Зимана, А. Сергеева. Большая часть средств была переведена с сохранением содержания и формы, однако некоторые были подвергнуты различным трансформациям (относительно лексического наполнения или формы) или не переведены целиком. Можно предположить, что преобразования в процессе перевода были совершены в соответствии с определенными целями переводчика, например для сохранения ритмики текста или более полного отражения идеи автора.

Библиографический список

1. Головин Б.Н. Основы культуры речи. М.: Высшая школа, 1980. 336 с.
2. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка: учебник. 4-е изд., стереотип. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.
3. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М., 1987. 752 с.
4. Стивенсон Р.Л. Стихотворения [Электронный ресурс]. URL: <http://eng-poetry.ru/PoetE.php?PoetId=42> (дата обращения: 31.10.2022).
5. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сковородникова. 3-е изд., стереотип. М.: ФЛИНТА, 2011. 480 с.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ДРАМЕ А.Н. ОСТРОВСКОГО «ГРОЗА»

FEATURES OF THE FUNCTIONING OF EMOTIVE VOCABULARY IN A.N. OSTROVSKY'S DRAMA «THUNDERSTORM»

Ю.Д. Дерезуцкая

Y.D. Derezuskaya

Научный руководитель **В.Н. Замыслова**
Scientific adviser **V.N. Zamysova**

Эмотивность, лексика эмоций и чувств, А.Н. Островский, речевой портрет персонажа.
Эмотивная лексика интересна ученым разных областей науки: психологии, физиологии, лингвистики. Изучение языковых средств выражения чувств, эмоций особенно актуально, т.к. связано с экспрессивно-эмоциональной функцией языка. При помощи метода контекстуального анализа определяются особенности функционирования эмотивной лексики в драме А.Н. Островского «Гроза». Большую роль для выражения эмоций в произведении играют междометия, фразеологизмы и лексически окрашенная лексика.

Emotivity, vocabulary of emotions and feelings, A.N. Ostrovsky, speech portrait of the character.
Emotive vocabulary is interesting to scientists from different fields of science: psychology, physiology, linguistics. The study of linguistic means of expressing feelings, emotions is especially relevant, because it is associated with the expressive and emotional function of language. Using the method of contextual analysis, the features of the functioning of emotive vocabulary in A.N. Ostrovsky's drama «Thunderstorm» are determined. Interjections, phraseological units and lexically colored vocabulary play an important role in expressing emotions in a work.

Эмоциональная сфера, отражающая наиболее значимые свойства человека, всегда находилась в центре внимания ученых различных областей науки. Сфера чувств и эмоций изучается не только с точки зрения психологии и физиологии, но и с позиции лингвиста. Его интересуют языковые средства (фонетические, лексические и грамматические), используемые при выражении чувств говорящего для воздействия на эмоциональную сферу слушающего.

Эмотивная лексика – это уникальный способ оформления и выражения личной эмоциональной реакции говорящего на собственное высказывание. Ее изучение связано с экспрессивно-эмоциональной функцией языка, который является одним из средств выражения чувств.

Актуальность исследования определяется изучением драмы А.Н. Островского «Гроза» в рамках школьной программы (10–11-й класс), а также развитием нового направления – лингвистики эмоций.

Цель статьи – исследовать и описать роль эмотивной лексики в контексте драмы А.Н. Островского «Гроза».

Объектом исследования является эмотивная лексика, представленная в драме А.Н. Островского «Гроза».

Предмет исследования – эмотивные лексические единицы в речевых портретах главных персонажей.

В соответствии с целью, объектом и предметом сформулированы задачи исследования:

- 1) дать определения понятия «эмотивность»;
- 2) описать категории эмотивности: «лексика эмоций» и «эмоциональная лексика»;
- 3) провести анализ эмотивной лексики, выявленной в процессе работы с текстом драмы А.Н. Островского «Гроза»;
- 4) определить значение эмотивной лексики в рамках речевого портрета персонажей.

В соответствии с поставленными задачами использовались следующие методы исследования: гипотетико-дедуктивный, описательный, структурный, контекстуального анализа, позволившие определить особенности функционирования эмотивной лексики в тексте пьесы.

Проблема эмотивности художественного текста широко представлена в научном мире. Так, написано большое количество работ, посвященных исследованию реализации категории эмотивности в текстах различной жанровой принадлежности. Результаты изучения проблемы отражены в работах В.П. Абрамова, А.Б. Аникиной, Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, Л.Г. Бабенко, Л.М. Васильева, А. Вежбицкой, В.В. Виноградова, А.А. Зализняк, С.В. Ионовой, Л.Н. Иорданской, Л.А. Исаевой, Дж. Лайонза, Б.А. Ларина, Л.А. Новикова, В.Н. Телия, Ч. Филлмора, З.Е. Фоминой, В.И. Шаховского.

Источником исследования настоящей статьи послужила драма А.Н. Островского «Гроза».

Понятие эмотивности имеет несколько определений. В.И. Шаховский пишет: «Эмотивность – имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики...» [Шаховский, 1987]. Л.А. Пиотровская определяет эмотивность как функцию языковых единиц, связанную с выражением эмоционального отношения говорящего к объективной действительности [Пиотровская, 2007]. Значит, эмотивность, помимо основного статуса – языковая, функционально-семантическая категория, – рассматривается учеными то как семантическое свойство, присущее языку, то как функция языковых единиц, что связано с различными подходами к исследованию. В данной работе эмотивность будет определяться как вербальное выражение эмоций говорящего.

Кроме того, опираясь на классификацию В.И. Шаховского и Л.А. Калимуллиной, необходимо разграничивать лексику, выражающую эмоции (эмоциональную лексику) и лексику, называющую или обозначающую эмоции (лексику эмоций).

Не менее важным является вопрос о разделении понятий «эмоциональность» и «эмотивность». Так, В.И. Шаховский считает, что эти понятия должны быть разграничены. По его мнению, эмотивность относится к языку, то есть лексике,

которая способна выражать эмоцию. Это семантическое свойство, выражающее через систему своих средств психическое состояние человека, его эмоциональность [Шаховский, 1987]. Таким образом, эмоции для выражения языковыми средствами трансформируются в эмотивы.

Анализ речевого портрета позволяет выявить круг эмоций, которые испытывает персонаж. Несмотря на то, что персонаж – это художественный образ, он также переживает эмоции, свойственные каждому человеку.

Драма А.Н. Островского «Гроза» отражает яркие эмоциональные переживания. Речь героев насыщена эмотивами, выражающими различные эмоции: гнев, страх, сочувствие, тревогу, волнение.

В речи купца Савела Прокофьевича Дикого повторяются эмотивные конструкции: «**Дармоед!**», «**Пропади ты пропадом!**», «**...проклятый!**», «**Провались ты!**», «**Вот навязался!**». Все они относятся к категории эмоциональной лексики, так как служат для передачи эмоций, а не для их объективизации. В данном случае эмотивы выражают одну эмоцию – гнев. Следует отметить, что представленная лексика является стилистически окрашенной, просторечной и служит средством речевой характеристики героя, который изображен грубым и жестоким человеком.

Эмоции в тексте часто выражаются междометиями. Эти слова составляют совершенно особый слой лексики, поскольку у них нет предметно-логического значения. В междометиях сосредоточены все типические черты, отличающие эмоциональную лексику: синтаксическая факультативность, т.е. возможность опущения без нарушения фразы; отсутствие синтаксических связей с другими частями предложения; семантическая иррадиация, которая состоит в том, что присутствие хотя бы одного эмоционального слова придает эмоциональность всему высказыванию. Речь главной героини Катерины насыщена междометиями, которые выражают ее душевное состояние: «**Ох**, девушка, что-то со мной недоброе делается...», «**Ах**, Варя, грех у меня на уме!», «**Ах**, как она меня испугала!», «**Ах!** Скорей, скорей», «**Ах**, беда моя, беда!». В данном случае междометия указывают на тяжелую внутреннюю борьбу героини и страх, перерастающий в ужас и смятение. В речи Катерины присутствуют такие фразы, как: «я сама тебя **люблю** до смерти», «И до смерти я **любила** в церковь ходить!», «до смерти **боюсь**». Они обозначают наивысшую степень проявления эмоций и являются пророческими – предрекают трагичный финал драмы. Состояние главной героини передается также с помощью лексики эмоций: «...что-то со мной **недоброе** делается», «...я **от тоски** что-нибудь сделаю над собой», «**Радости** видела мало, а **горя-то, горя-то** что». Екатерина предстает перед читателем как несчастная, пугливая и в то же время бесстрашная девушка («**Не жалея, губи** меня! Коли я для тебя греха **не побоялась, побоюсь** ли я людского суда»).

Для выражения категории эмотивности на лексическом уровне автор использует различные устойчивые выражения, так как фразеологические обороты являются неисчерпаемым источником выразительных средств. Употребление фразеологизмов в тексте драмы позволяет усилить наглядность и образность текста,

более ярко выразить отношение к сообщаемому, передать авторские чувства и оценки. Следует отметить, что в драме «Гроза» все персонажи употребляют в своей речи фразеологизмы.

Речь Марфы Игнатьевны Кабановой изобилует образными фразами: «что мать **проходу не дает, со свету сживает**... и пошел разговор, что свекровь заела совсем». Данное языковое явление свидетельствует о простонародности Кабановой, несмотря на ее статус богатой купчихи. Эмоциональная лексика в речи Марфы Игнатьевны реализуется с помощью лексических повторов, которые, в свою очередь, подчеркивают стилистически сниженную тональность и усиливают эмоциональность высказываний: «**Как зачем бояться! Как зачем бояться!**», «**Дурак! Что с дураком и говорить!**», «**Ну, ну, приказывай!** Чтоб и я слышала, что ты ей **приказываешь**».

Речевая характеристика Варвары – младшей дочери Кабановой – реализуется за счет фразеологических единиц, с помощью эмоциональной лексики, грубых слов и выражений: «**только бы шито да крыто было**», «так тебя здесь **заедят**», «На свою бы тебе голову, **старая карга!**», «**Вздор** все. Очень нужно слушать, что она **городит**», «**Дура старая...**», «Что ты, **с ума, что ли, сошла**».

В речи Тихона Кабанова присутствуют устойчивые выражения, характеризующие слабый характер героя: «маменька, из вашей воли **ни на шаг**», «да **отсохни язык**», «**проходу не дает** – все за тебя», «Ну, и пушай она говорит, а ты **мимо ушей пропускай**».

Проанализировав речь персонажей драмы, можно сказать, что в рамках текста осуществляется эмоционально-экспрессивная функция крылатых слов и выражений. Психологическое состояние героев повествования выражается автором с помощью лексем, обозначающих различные эмоции героев драмы. Например: удивление в речах Кулигина: «**ни души там нет**», сочувствие Кабанова Тихона: «**Все к сердцу-то принимать**, так в чухотку скоро попадешь... а ты **мимо ушей пропускай!**» и его страх перед маменькой: «**я мигом**», любовное чувство Бориса к Катерине: «...**хоть бы одним глазком взглянуть на нее!** <...> Только **сердце надрывается**» и грубость Кабановой ко всем: «**на носу себе заруби**», «чтоб сложа ручки не сидела, **как барыня!**», «чтоб в окна глаз **не пялила!**», «**ломаться-то нечего**».

Итак, категория эмотивности в драме Н.А. Островского «Гроза» выражается при помощи использования различной лексики. Большую роль в произведении играют междометия, фразеологизмы и эмоционально окрашенная лексика. Для передачи душевного состояния героев автор использует лексемы, называющие конкретные эмоции, определяющие эмоциональный фон.

Библиографический список

1. Островский А.Н. Гроза. URL: <https://ilibrary.ru/text/994/p.1/index.html> (дата обращения: 06.11.2022).
2. Пиотровская Л.А. Взаимодействие эмоциональной и рациональной оценки в процессе порождения речи. М.: МАКС Пресс, 2007. 28–29 с.
3. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. С. 23–62.

«ЗАТЕСИ» В.П. АСТАФЬЕВА: ИСТОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЖАНРА МИНИАТЮРЫ

“ZATESI” V.P. ASTAFIEVA: ORIGINS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF THE MINIATURE GENRE

А.Е. Уфимцев

A.E. Ufimtzev

Научный руководитель **Н.Н. Бебриш**
Scientific advisor **N.N. Bebrish**

В.П. Астафьев, «Затеси», лирические миниатюры, жанр миниатюры, литературный процесс.

В статье коротко изложены истоки жанра миниатюры в современной русской литературе и отмечено влияние сборника лирических миниатюр В.П. Астафьева «Затеси» на современный литературный процесс.

V.P. Astafiev, “Zatesi”, lyrical miniatures, genre miniatures, literary process.

The article briefly describes the origins of the genre of miniatures in modern Russian literature and notes the influence of the collection of lyrical miniatures by V.P. Astafiev «Zatesi» on the contemporary literary process.

Жанр миниатюры всегда привлекал внимание писателей – и вслед за ними литературоведов. В.Ю. Баймиева дает следующее определение жанру миниатюры, отмечая в то же время относительность некоторых признаков и условность самого термина: «Миниатюра – это очень маленькое по объему произведение, композиционно завершенное, но с преобладанием одного композиционного элемента – кульминации, усиленной авторской экспрессией и доминирующим образом автора, сливающимся чаще всего с повествователем» [Баймиева, 2016, с. 10].

Родоначальником жанра миниатюры в русской литературе традиционно признается И.С. Тургенев, создавший «Стихотворения в прозе», которые и принято считать первыми миниатюрами. В.Ю. Баймиева отмечает, что в «Стихотворениях в прозе» И.С. Тургенева ярко проявляется авторское субъективное начало [Баймиева, 2016, с. 10]. Как указывает К.А. Жулькова, последователями тургеневской традиции можно считать В.П. Астафьева, М.М. Пришвина, И.С. Соколова-Микитова, Ю.Н. Куранова, В.Н. Крупина, В.А. Бочарникова, Ю.В. Бондарева, В.М. Пескова, Б.Н. Сергуненкова и ряд других писателей [Жулькова, 2018, с. 130]. По замечанию В.Ю. Баймиевой, во многих миниатюрах русских писателей автор предстает как субъект сознания – наблюдатель, включенный в описываемые события и совмещающий в себе функции собственно автора и лирического героя [Баймиева, 2016, с. 11]. Из этого следует, что для миниатюры характерна выраженная роль авторского субъективного начала.

Жанр миниатюры позволяет автору, не сковывая его жесткими рамками, описать свой жизненный опыт с различных сторон в пределах одного произведения, многогранного и цельного. Возможно, этим объясняется распространенность жанра миниатюры среди писателей на протяжении уже более двух веков: от И.С. Тургенева до В.Г. Распутина, В.П. Астафьева и др.

В творчестве В.П. Астафьева особое место занимает цикл лирических миниатюр «Затеси», над которым автор работал несколько десятков лет. Так, в 1964 г. лирические зарисовки под названием «Дыханье родной земли» были впервые опубликованы в сборнике «Весенний остров», в 1972 г. в издательстве «Советский писатель» вышел цикл «Затеси», куда в том числе вошли и некоторые миниатюры из вышеназванного сборника, а в 2003 г. было выпущено посмертное и наиболее полное издание «Затесей», состоящее из десяти циклов-«тетрадей».

В.П. Астафьев говорил о сборнике «Затеси» так: «Я никогда не веду дневников и записных книжек, делаю лишь наброски, зарисовки, и это где-то там в папках лежит. И постепенно накопилась книга. В 72-м я издавал ее в “Советском писателе”, она называлась “Затеси”, и сейчас переиздал ее в Красноярске под тем же названием, но тогда затесей было 34, сейчас их 104. Это дает возможность как-то выговориться, поразмышлять» [Астафьев, 1998, с. 118].

О.Ю. Золотухина пишет, что исследователи цикла лирических миниатюр «Затеси» отмечают их исповедальный характер и философскую проблематику, и подчеркивает, что, хотя для творчества писателя в целом характерны исповедальность и биографичность, именно в сборнике «Затеси» субъектная позиция автора проявляется наиболее отчетливо [Золотухина, 2021, с. 237–238].

Как было отмечено ранее, литературоведы считают цикл лирических миниатюр «Затеси» В.П. Астафьева продолжением тургеневской традиции. В то же время А.Ю. Большакова относит сборник лирических миниатюр «Затеси» В.П. Астафьева, наряду с циклами других авторов, к продолжению средневековых литературных внежанровых поисков, указывая на жанровую организацию и определенность «Затесей», которые проявляются в циклизации как литературном приеме [Большакова, 2020, с. 355].

О.В. Аксенко считает, что творчество В.П. Астафьева во многом определило литературную и культурную ситуацию второй половины XX в. [Аксенко, 2013, с. 6]. Так, Т.Л. Кузнецова, изучая течение литературного процесса Республики Мордовия, проводит параллели между известными произведениями писателей XX в., как то: «Затеси» В. Астафьева, «Зерна» В. Крупина, «Камешки на ладони» В. Солоухина, «Трава-мурава» Ф. Абрамова, «Мгновения» Ю. Бондарева, «Крохотки» А. Солженицына – и малыми формами, развивающимися в творчестве В. Лодыгина, А. Ульянова, А. Мишариной, О. Уляшева и других авторов, тяготеющих к цикличности [Кузнецова, 2009, с. 24]. Можно сказать, что жанр миниатюры, являющийся продолжением средневековых литературных традиций и по-новому осмысленный В.П. Астафьевым в виде сборника лирических зарисовок «Затеси», оказал существенное влияние на современный литературный процесс.

Таким образом, учитывая мнение В.Ю. Баймиевой, можно говорить о перспективности жанра миниатюры в современной литературе [Баймиева, 2016, с. 11], а вслед за Т.Л. Кузнецовой, о существенном влиянии сборника лирических миниатюр «Затеси» В.П. Астафьева на творчество современных авторов [Кузнецова, 2009, с. 24].

Библиографический список

1. Аксенко О.В. Языковое представление образа автора и экспрессивности в сказе В.П. Астафьева (на материале повествования в рассказах «Царь-рыба») // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 2 (293). С. 6–8.
2. Астафьев В.П. Выступление перед творческими работниками Томска (ноябрь 1982 года) // Вестник Томского государственного университета. 1998. № 266. С. 116–121.
3. Баймиева В.Ю. Жанр миниатюры в русской литературе XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9–3 (63). С. 10–12.
4. Большакова А.Ю. Средневековая традиция в прозе В.П. Астафьева: жанр и цикл // Проблемы исторической поэтики. 2020. № 1. С. 342–366.
5. Жулькова К.А. И.С. Тургенев и современная русская литература: творческие рецепции в художественных произведениях конца XX в. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение: Реферативный журнал. 2018. № 4. С. 129–134.
6. Золотухина О.Ю. Религиозная проблематика «Затесей» В.П. Астафьева 1990-х гг. // Известия ВГПУ. 2021. № 10 (163). С. 237–243.
7. Кузнецова Т.Л. Современная коми прозаическая миниатюра: жанровые особенности // Финно-угорский мир. 2009. № 4. С. 24–34.

ОСВОЕНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И КУЛЬТУРЕ ДЕЛОВОЙ РЕЧИ В ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОМ КОЛЛЕДЖЕ

MASTERING MEDICAL TERMINOLOGY
IN THE CLASSES IN THE RUSSIAN LANGUAGE
AND CULTURE OF BUSINESS SPEECH
AT THE COLLEGE OF PHARMACY

Е.Ю. Долженкова

E.Yu. Dolzhenkova

Научный руководитель **Е.В. Осетрова**
Scientific adviser **E.V. Osetrova**

Медицинская терминология, устная и письменная речевая деятельность, нормы русского языка, коронавирус, студенты-медики.

Цель работы заключается в рассмотрении особенностей подготовки студентов-медиков к грядущей производственной практике на занятиях по русскому языку и культуре деловой речи Фармацевтического колледжа КрасГМУ им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого. Методологическая основа исследования включает универсальные способы научной работы: анализ и синтез, обобщение и систематизацию полученной информации. В результаты исследования выделены упражнения с учетом необходимого комплекса учебного целеполагания.

Medical terminology, oral and written speech activity, Russian language norms, coronavirus, medical students.

The purpose of the work is to consider the features of preparing medical students for the upcoming work practice in the classroom in the Russian language and the culture of business speech of the Pharmaceutical College of the Krasnoyarsk State Medical University. prof. Voino-Yasenetsky. The methodological basis of the study includes universal methods of scientific work: analysis and synthesis, generalization and systematization of the information received. As a result of the study, exercises were identified taking into account the necessary set of educational goal-setting.

Эпидемия коронавируса, заявившая о себе в конце 2019 г., оказала глобальное влияние на многие сферы современного общества, прежде всего на здравоохранение. Одним из языковых маркеров этого стало активное пополнение терминологического словаря медицины и различных парамедицинских научных направлений. Изменение же теоретического языкового пласта, в свою очередь, отразилось на трансформационных процессах профессиональной речи.

Своевременное реагирование преподавателей колледжей на обозначенные выше изменения является важной частью организации всего образовательного процесса ввиду необходимости обучения студентов культуре грамотной профессиональной речи, отражающей должный уровень подготовки специалистов среднего звена. Важность включения упражнений по русскому языку, ориентированных на формирование нужного лексического и фразеологического минимума, обусловлена, в частности, необходимостью успешного проведения производственной практики 2, 3 и 4-х курсов. В ее рамках студентам предстоит приобрести необходимые в будущей профессиональной деятельности навыки и компетенции, в том числе продемонстрировать уместное и точное использование медицинского словаря в обстоятельствах общения с пациентами и медперсоналом. Кроме этого, должный уровень культуры профессиональной речи важен для ведения строго нормированного документооборота учреждений здравоохранения.

Обучение студентов-медиков языку специальности предполагает формирование знания о нормах русского литературного языка и умения использовать это знание в речевой практике, введение в индивидуальный языковой оборот будущего профессионала новой научной и терминологической лексики, синтаксических и грамматических конструкций, обучение навыкам анализа текста с точки зрения явной и скрытой, основной и второстепенной информации, а также развитие приобретенных знаний в различных видах речевой деятельности (аудирование, чтение, говорение и письмо).

Методика преподавания дисциплины «Русский язык и культура деловой речи» на практических занятиях в Фармацевтическом колледже КрасГМУ им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого ориентируется в первую очередь на деление профессиональной лексики в соответствии с направлением подготовки, на котором обучаются студенты: «Сестринское дело», «Лабораторная диагностика» и «Фармация». Каждое из названных направлений отличается как терминологическим разнообразием, так и преимущественным соблюдением норм устной или письменной речи.

Так, в учебные планы 2-го курса отделения «Сестринское дело», на котором преподает автор данной статьи, включены предметы, имеющие профильную направленность. Это диктует естественную необходимость расширить языковой запас обучающихся медицинскими терминами.

Медицинская терминология как макротерминосистема русского языка состоит более чем из 200 тыс. единиц, подразделяясь на три подсистемы:

- 1) терминология морфологических дисциплин – анатомии и гистологии;
- 2) терминология комплекса патологической анатомии, патологической физиологии и клинических дисциплин;
- 3) фармацевтическая терминология с номенклатурой лекарственных средств [Чернявский, 2007].

Для студентов «Сестринского дела» профессиональный интерес представляют термины первых двух групп, поэтому при разработке упражнений основной ориентир сделан именно на них.

Соблюдение норм устной речи является важнейшим условием взаимопонимания и свидетельствует о культурном уровне носителя языка. К нормам устной деловой речи относят орфоэпические, акцентологические, коммуникативные и интонационные нормы. Упражнения, используемые на практических занятиях по русскому языку и культуре деловой речи, направлены на комплексное освоение норм устной речи, т.к. тесно связаны друг с другом.

Упражнение 1. Послушайте беседу больного и медицинской сестры. Проанализируйте, какие ошибки в произношении медицинских терминов допустили участники диалога.

Упражнение 2. Послушайте рассказ пациента о состоянии здоровья во время коронавирусного заболевания. Сформулируйте высказывание, которое уместно было бы использовать медицинской сестре в ответ на жалобу больного. Используйте предложенные медицинские термины, соблюдая нормы устной речи.

Упражнение 3. Составьте диалоги в парах, которые могут состояться в рамках перечисленных ниже ситуаций; постарайтесь быть корректными, используя необходимые медицинские термины:

– жалоба пациента на недобросовестное исполнение медицинской сестрой служебных обязанностей;

– реакция заведующей отделением на нежелание медицинской сестры проводить дезинфекцию и стерилизацию оборудования;

– указание коллеге (медицинской сестре) на неправильную транспортировку пациента;

– замечание, адресованное медицинской сестре в связи с неправильным обращением с медицинскими отходами медицинской организации;

– назначение лечения при заболевании коронавирусом;

– получение паспортных данных больного для открытия листа временной нетрудоспособности и объяснение особенностей протекания карантина ввиду заболевания ковидом;

– беседа с пациентом с целью выяснения самочувствия после ИВЛ;

– беседа с пациентом перед вакцинацией против Covid-19.

Для медицинских работников не меньшее значение имеет освоение норм письменной речи, основными из которых являются орфографические и пунктуационные. У студентов необходимо развивать компетенции, связанные с ведением документооборота и использованием официальной деловой речи. Приведем несколько упражнений, задания которых составлены автором статьи с учетом именно такого комплексного учебного целеполагания.

Упражнение 1. Заполните амбулаторную карту пациента, пользуясь информацией, представленной в справочных материалах.

Упражнение 2. Прочитайте текст, выделите медицинские термины, разделив их на три колонки: «название болезни», «название научного раздела», «наименование медицинского приспособления». Вставьте пропущенные буквы.

«А(п,пп)рат иску(с,сс)тве(н,нн)ой в_нтиляции легких», «г_стология», «эп_теальные и соед_нительные ткани», «микр_ск_пия гист_логических пр_парат», «артр_логия», «арт_рии», «капи(л,лл)яры», «спи(н,нн)ой мозг», «в_г_тативная система», «энд_кри(н,нн)ая система».

Упражнение 3. Перепишите медицинские термины, объединив их в группы на основании общих морфем. Объясните их значение.

«Гингивит», «гепатит», «стоматология», «гепатэктомия», «пневмонэктомия», «отит», «бронхит», «артрит», «кардиология», «дерматит», «стоматит», «гистология», «аппендэктомия», «пневмония».

В целом с учетом необходимости расширения медицинского лексикона студентов в соответствии с учебными планами медицинского колледжа и рабочими программами медицинских дисциплин, осваиваемыми одновременно с подготовкой по русскому языку и культуре деловой речи, рационально придерживаться тезаурусного подхода, обучая студентов устной и письменной речевой деятельности, обеспечивающей эффективное взаимодействие с окружающими в ситуациях формального и неформального межличностного и межкультурного общения.

Библиографический список

1. Чернявский М.Н. Латинский язык и основы медицинской терминологии. М.: ЗАО «ШИКО», 2007.

СТРАТЕГИЯ СМЫСЛОВОГО ЧТЕНИЯ: ТРАДИЦИОННЫЕ ИСТОКИ СОВРЕМЕННОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ТЕХНОЛОГИИ

SEMANTIC READING STRATEGY: TRADITIONAL ORIGINS OF MODERN PEDAGOGICAL TECHNOLOGY

О.И. Терентьева

O.I. Terentyeva

Научный руководитель **Н.В. Уминова**
Scientific adviser **N.V. Uminova**

Смысловое чтение, объяснительное чтение, постепенное чтение, отчетливое чтение, сознательность чтения, уроки чтения в школе, работа с текстом.

В статье представлено исследование, посвященное изучению развития термина «смысловое чтение»: рассматриваются истоки стратегии в работах педагогов прошлого. Дается определение понятия «смысловое чтение». В ходе работы были получены следующие результаты: определена традиционная основа «смыслового чтения» и выявлена актуальность данной стратегии на сегодняшний день. Исследование показывает, что стратегия смыслового чтения имеет глубокие корни и основные положения смыслового чтения с течением времени в основном не изменились.

Semantic reading, explanatory reading, gradual reading, distinct reading, reading consciousness, reading lessons at school, working with text.

The article presents a study on the development of the term “semantic reading”: the origins of the strategy in the works of teachers of the past are considered. The article defines the concept of “semantic reading”. In the course of the work, the following results were obtained: the traditional basis of “semantic reading” was determined and the relevance of this strategy to date was revealed. This study shows that the strategy of semantic reading has deep roots and the basic provisions of semantic reading, mainly, have not changed over time.

Смысловое чтение становится все более популярной стратегией в преподавании русского языка и литературы. Это связано с особенной важностью данной стратегии в повышении читательской грамотности и с образовательной результативностью методов стратегии смыслового чтения при решении целого спектра задач. *Цель* данного исследования заключается в том, чтобы рассмотреть предшествующие понятия, близкие по значению к смысловому чтению, в педагогических трудах прошлого. Материалом для исследования послужили работы Ф.И. Буслаева [Цит. по: Кореневский, 1950], К.Д. Ушинского [Ушинский, 1949], Н.Ф. Бунакова [Бунаков, 1908], В.И. Водовозова [Водовозов, 1986], Н.А. Корфа [Корф, 1879], Д.И. Тихомирова [Тихомиров, 1914], Л.Н. Толстого [Толстой, 1989].

Современные исследования показывают, что смысловое чтение – это «систематизированный план и программа действий и операций, осознанно применяе-

мые обучающимся для управления обучением или для улучшения его результата» [Сметанникова, 2018] либо «различные комбинации приемов, которые используют учащиеся для восприятия графически оформленной текстовой информации и ее переработки в личностно-смысловые установки в соответствии с коммуникативно-познавательной задачей» [Апальков, 2014]. Таким образом, в основе определений лежит «программный», системный подход к процессу обучения осмысленному, осознанному чтению.

Термин «смысловое чтение» появился не так давно. Но необходимость применения такого чтения появилась намного раньше, еще в середине XIX в. «Пра-родителями» смыслового чтения были «отчетливое чтение», «объяснительное чтение» и «постепенное чтение».

Известный российский лингвист Ф.И. Буслаев, создавший практический метод преподавания языка, использовал в своих статьях понятие «отчетливое чтение»: «Отчетливое чтение состоит в ясном уразумении прочтенного, а для этого надо понять главную мысль и дать отчет в частностях, по которым данная мысль проведена» [Цит. по: Кореневский, 1950]. Ф.И. Буслаев был ярким противником механического чтения, поэтому предлагал перечитывать непонятую фразу до тех пор, пока не станет понятно, использовать логический и вещественный разбор, дробление текста. Чтобы проверить правильное усвоение прочитанного, Ф.И. Буслаев советует просить ученика пересказать своими словами то, что было прочитано.

Создателем термина «объяснительное чтение» был К.Д. Ушинский, ставивший в основу учебного процесса развитие мыслительной деятельности: «В душе дитяти с логической мыслью будет срастаться прекрасный поэтический образ; развитие ума будет идти дружно с развитием фантазии и чувства; логическая мысль отыщет себе поэтическое выражение, и наоборот, выражение поэзии закрепит самую мысль» [Ушинский, 1949].

Сознательность чтения – это то, на чем делает акцент К.Д. Ушинский во многих своих трудах. В свою очередь, добиться сознательности чтения можно лишь посредством «рассказывания» (пересказа прочитанного). Объяснительное чтение в работах К.Д. Ушинского строится на чтении и объяснении, т.е. объяснении непонятных слов, фраз, выражений, контекстов учителем, а также, что самое важное, объяснении логической связи одной части текста с другой. Книга-хрестоматия «Детский мир» стала основой для развития и применения объяснительного чтения на практике. Д.Д. Семенов продолжил дело К.Д. Ушинского и написал статью «Первый год занятий объяснительным чтением и наглядным обучением по книге “Детский мир”». Позднее многие специалисты высказывались о том, что статья Д.Д. Семенова была наиболее близка взглядам К.Д. Ушинского на применение объяснительного чтения в школе.

С термином «объяснительное чтение» работали такие методисты и педагоги, как Н.Ф. Бунаков [1908], В.И. Водовозов [1886], Н.А. Корф [1879] и Д.И. Тихомиров [1914].

«Постепенное» чтение имеет общие черты и с «объяснительным чтением», и с «отчетливым чтением», однако имеет ряд индивидуальных особенностей, выделенных из работ основателя постепенного чтения – Л.Н. Толстого. К общим

чертам относят: достижение цели понимания текста, применение пересказа в целях проверки качества усвоения прочитанной информации, использование адаптированной литературы для детей.

Л.Н. Толстой отмечает, что насильно, без желания и усердия самого ученика невозможно научить чтению. Отличительной особенностью «постепенного» чтения следует назвать то, что в нем не объясняется смысл каждого слова, а дается возможность ученику самому дойти до смысла неизвестных ему слов из общего контекста. Одной из причин, по которой Л.Н. Толстой отрицает абсолютную пользу объяснений каждого слова, было то, что не каждый учитель сам в полной мере владеет необходимыми познаниями в лексическом аспекте языка. Л.Н. Толстой высказывал опасения, что неверно истолкованное значение будет навязано ученику как неоспоримая истина и даже ученик, имеющий зачатки критического мышления, робея перед авторитетом учителя, согласится с неверными мыслями.

В итоге можно прийти к выводам о том, что смысловое чтение, будучи актуальной стратегией чтения на сегодняшний день, имеет истоки еще в девятнадцатом веке. Уже тогда педагоги и лингвисты столкнулись с проблемой поверхностного чтения. Так, на смену механическому чтению приходят различные вариации чтения, которое сегодня в методической литературе называется смысловым.

Библиографический список

1. Апальков В.Г. Формирование смыслового чтения: Международный и отечественный опыт (на примере обучения иностранному языку) // Статистика и экономика. 2014. № 6-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-smyslovogo-chteniya-mezhdunarodnyy-i-otechestvennyy-opyt-na-primere-obucheniya-inostrannomu-yazyku> (дата обращения: 18.10.2022).
2. Бунаков Н.Ф. Родной язык как предмет обучения в начальной школе с трехгодичным курсом: лекции, читан. на пед. курсах Моск. политехн. выст. в 1872 г. 15-е изд., испр. Спб.: Гутзац, 1908. 163 с.
3. Водовозов В.И. Избранные педагогические сочинения. М.: Педагогика, 1986.
4. Корневский Е.И. Объяснительное чтение в русской начальной школе (1860–1917) // Известия АПН РСФСР. 1950. Вып. 27: Из истории методики русского языка в начальной школе. 201 с.
5. Корф Н.А. Русская начальная школа: рук. для земских гласных и учителей сельских шк. Изд. 6-е, вновь испр. и доп. Спб.: Тип. М.А. Хана, 1879. 83 с.
6. Сметанникова Н.Н. Модель реализации стратегического подхода к обучению иноязычному профессионально-специализированному чтению // Мир науки. Педагогика и психология. 2018. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-realizatsii-strategialnogo-podhoda-k-obucheniyu-inoazychnomu-professionalno-spetsializirovannomu-chteniyu> (дата обращения: 18.10.2022).
7. Тихомиров Д.И. Чему и как учить на уроках родного языка в начальной школе: методика: рук. для учителей подгот. и нар. шк. 15-е изд. М.: Тип. К.Л. Меньшова, 1914. 267 с.
8. Толстой Л.Н. Педагогические сочинения / сост. Н.В. Вейкшан (Кудрявая); Акад. пед. наук СССР. М.: Педагогика, 1989. с. 542. [Электронный ресурс]. URL: http://elib.gnpbu.ru/text/tolstoy_pedagogicheskie-sochineniya_1989/ (дата обращения: 06.10.2022).
9. Ушинский К.Д. Собрание сочинений. 1949. Т. 5: Методические статьи и материалы к «Детскому миру». 591 с. [Электронный ресурс]. URL: http://elib.gnpbu.ru/text/ushinskiy_sobranie-sochineniy_t5_1949/ (дата обращения: 05.10.2022).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бариловская Анна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: anna1621@yandex.ru

Бебриш Надежда Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой современного русского языка и методики, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: nadejdanick2@mail.ru

Бирюкова А.А. – студентка 1-го курса факультета рекламы и связей с общественностью, Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад. М.Ф. Решетнёва (Красноярск); e-mail: alinabehappy1304@gma-il.com

Васильева Светлана Петровна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: vasileva@kspu.ru

Гурова Мария Сергеевна – магистрант 1 курса филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: bzrm16@yandex.ru

Дерезуцкая Юлия Дмитриевна – студентка 2-го курса филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: kozadereza2002@mail.ru

Долженкова Екатерина Юрьевна – преподаватель Фармацевтического колледжа, Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого; e-mail: dolzhenkova.katya@inbox.ru

Ермакова Елена Васильевна – учитель, МАОУ СШ «Комплекс Покровский» (Красноярск); e-mail: beltepelena@mail.ru

Кипчатова Алла Васильевна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; эксперт АНО «Союз экспертов “Контекст”»; e-mail: allakipchatova@mail.ru

Коняшкин Александр Алексеевич – аспирант 1-го курса филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: rednaxela6991@gmail.com

Курделяс Анастасия Андреевна – аспирант 3-го курса филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: shagrarka@icloud.com

Лукьянчикова Алина Игоревна – студентка 1-го курса факультета рекламы и связей с общественностью, Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад. М.Ф. Решетнёва (Красноярск); e-mail: alinabehappy1304@gmail.com

Осичкина Анастасия Алексеевна – магистрант филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: nstyabrr@gmail.com

Ревенко Инна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: inna.revenko@mail.ru

Сковородкина Ульяна Владимировна – аспирант 2-го курса кафедры современного русского языка и методики, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, преподаватель кафедры латинского и иностранных языков, Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого; e-mail: skovorodkinauv@kspu.ru

Терентьева Ольга Ивановна – магистрант 2-го курса филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: olga96.terentieva@yandex.ru

Уфимцев Александр Евгеньевич – аспирант 4-го курса филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; методист, УМЦ «Центр внедрения ФГОС ОВЗ»; e-mail: ufimtzev@inbox.ru

Чжан Лэй (Китай) – магистрант 2-го курса филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: z306457646@gmail.com

Чжан Юнсян – аспирант 2-го курса филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: 878607884@qq.com

Шахура Кристина Николаевна – магистрант 1-го курса, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: Shkn5@yandex.ru

Шибяев Михаил Валерьевич – эксперт, АНО «Союз экспертов “Контекст”»; e-mail: shibaev.m.v@mail.ru

СВЕДЕНИЯ О НАУЧНЫХ РУКОВОДИТЕЛЯХ

Бебриш Надежда Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой современного русского языка и методики, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: nadejdanick2@mail.ru

Васильев Александр Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: vasileva@kspu.ru

Васильева Светлана Петровна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: vasileva@kspu.ru

Замыслова Вера Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: zamyslova@inbox.ru

Михайлов Алексей Валерианович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой общественных связей, Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад. М.Ф. Решетнёва (Красноярск); e-mail: avm_2006_64@mail.ru

Осетрова Елена Валерьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: osetrova@kspu.ru

Уминова Наталья Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: umna2804@yandex.ru

Осенняя научная сессия КГПУ им. В.П. Астафьева
«Система педагогического образования –
ресурс развития общества»

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
В ЯЗЫКЕ И ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Сборник статей по материалам III Международной
научно-практической конференции

Красноярск, 28 октября 2022 г.

Электронное издание

Редактор *М.А. Исакова*
Корректор *А.П. Малахова*
Верстка *Н.С. Хасанишина*

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ им. В.П. Астафьева,
т. 217-17-52, 217-17-82

Подготовлено к изданию 08.12.22.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 10,6